

Анна ДАНИЛОВА

ДВОЙНОЙ ДЕТЕКТИВ
по ФРЕЙДУ



ЗВЕЗДЫ-СВИДЕТЕЛИ



ВИТАМИН ЛЮБВИ

Анна Васильевна Данилова
Звезды-свидетели.
Витамин любви (сборник)
Серия «Двойной детектив по Фрейду»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24915788

Звезды-свидетели ; Витамин любви : повести / Анна Данилова: Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67283-7

Аннотация

«Звезды-свидетели»

Отныне опасность – постоянный спутник известного композитора Германа Родионова. Он не смог отказать в гостеприимстве некой Нине, нагло забравшейся в его машину и потребовавшей убежища. Герман пожалел девицу, приютил ее. А она – в благодарность! – рассказывает ему одну жуткую историю за другой! И мужа-то она своего застрелила, и мачеху отравила, и бывшего начальника прикончила... Герман вынужден слушать рассказы сумасшедшей! Но какая доля правды и вымысла в кошмарных откровениях? Что, если все это случилось на самом деле?!

«Витамин любви»

Мила привыкла быть первой во всем, вызывать зависть и восхищение. Столь же виртуозно Мила распоряжается мужскими сердцами – сначала завоевывает, затем использует, потом бросает. Причем в любовных делах ей интересно еще и одержать верх над сверстницами, ведь просто любить... скучно. Так и порхает диковинная бабочка, задевая нежными крыльями чужие судьбы, пока не попадает в смертельную ловушку. Но перед смертью успевает обвинить в своем решении уйти из жизни хорошего человека, просто не способного на жестокость!..

Содержание

Звезды-свидетели

6

Конец ознакомительного фрагмента.

124

Анна Данилова
Звезды-свидетели.
Витамин любви (сборник)

© Дубчак А. В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

Звезды-свидетели

1

Он ехал и размышлял – вдохновляет ли его зимний сказочный лес и эти переливающиеся серебром ели на создание новых мелодий, или же наоборот – именно музыка, льющаяся из магнитолы и заполняющая собою весь салон, заставляет его по-новому воспринимать мир, этот лес и склонившееся над ним в нежном зимнем сиянии голубое небо? Ответа на подобные вопросы не существовало, и это он тоже понимал. Он вообще многое понимал, но жить от этого легче не становилось. Ему казалось, что он жил в гармонии с собой, все его устраивало в этой жизни, и теперь, когда он скрылся из шумной назойливой Москвы в тихий лес (где, однако, позволил окружить себя привычным комфортом), мелодии должны рождаться сами собой – в его душе, голове, ушах, сердце... Но ничего подобного не происходило. Весь талант, отпущенный ему свыше (все чаще и чаще его посещали такие мысли), словно оставил его, и теперь он, Герман Родионов, известный все еще композитор, чье имя на слуху у каждого человека, более или менее разбирающегося в музыке и любящего кино, страдал от творческого бесплодия. Иногда

он называл себя в душе музыкальным импотентом, и это было ужасно!

Из Москвы он уехал без сожалений, даже ни разу, что называется, не оглянувшись. Купил дом в Подмосковье, в лесу, перевез туда свои вещи, кабинетный рояль, поручил своему другу и продюсеру Леве Рубину присматривать за его московской квартирой и, дав всего лишь одно короткое интервью знакомому журналисту, объявил всему миру о своем желании поработать в тишине и уединении. Поначалу его телефон словно жил своей жизнью – дисплей то загорался, то гас, оповещая его об очередном желающем услышать его голос, а сам телефон издавал неприятные, какие-то зудящие и словно бы елозящие звуки – мол, обрати на меня внимание, ведь это же тебя хотят, а не меня, – но потом звонки прекратились. Словно весь прежний мир его друзей и знакомых понял наконец, что его желание уединиться было все же настоящим, и никакая это не блажь, не дурь – что весь его сложный творческий организм потребовал от Германа именно такого поступка.

Трудным оказалось первое время добровольного затворничества, поскольку по сравнению с теплой комфортной московской квартирой дом этот напоминал Герману некий живой и абсолютно автономный организм, требовавший к себе постоянного внимания. Живым был паровой котел – при его помощи отапливались комнаты; живым был и самостоятельный, грубоватый с виду камин, который Герман

довольно долго учился растапливать дровами (как, впрочем, и паровой котел). Благо электричество было все же не автономным и существовало вполне цивилизованно, питаясь от высоковольтных проводов, тянувшихся от трассы куда-то в лес. Хотя и в этом вопросе прежним хозяином было все предусмотрено досконально: в кладовой Герман нашел небольшой новенький генератор и две бутылки с бензином – на случай, если отключат ток. При помощи этого генератора вполне возможно оставаться со светом и включенным телевизором, не говоря уже о компьютере.

Помимо генератора, в кладовке – уже завезенное самим Германом – было уложено на полках большое количество консервов и спиртного. Почему бы и нет?

В самом доме было всего три комнаты – гостиная, спальня и кабинет. Чувствовалось, что этот дом строился человеком, заранее звавшим, что он будет здесь жить один. Он и жил здесь один, и то, что Герман выяснил о престижном хозяине, наводило на него тихий ужас... Однако никакие кошмары той жизни, когда-то обосновавшейся здесь, не пристали к новому жильцу. Герман чувствовал себя в доме вполне спокойно, комфортно, хотя и держал всегда при себе небольшой пистолет «Иж-71», да и замки на дверях были внушительными.

Как и всякий нормальный человек, просматривающий криминальную хронику, он понимал, что в округе могут найтись желающие поживиться чужим имуществом, поэтому со-

всем уж в безопасности почувствовать здесь себя он не мог. Но и способа, как защититься от воров или бандитов, он тоже не видел. А потому старался об этом совсем не думать.

Он переехал в киселевский лес летом. Тогда же, расслабившись на свежем воздухе и размечтавшись, он купил себе два десятка взрослых курочек (благо прежний хозяин построил теплый сарай) и все это время находил истинное удовольствие в том, чтобы каждый день около полудня вынимать из ящиков, устланных соломой, свежие яйца.

Но если поначалу у него много времени уходило на обустройство и привыкание к новым условиям жизни, и свое творческое безделье он оправдывал именно этими обстоятельствами, то теперь, зимой, когда весь быт уже налачился и единственное, что отвлекало Германа от работы, – нечастые поездки в город за продуктами, оправдания своему нежеланию садиться за рояль уже больше не имелось...

Вернее, он садился за рояль, открывал крышку и пытался наигрывать какие-то мелодии, но потом оказывалось, что он играл свою прежнюю музыку из фильмов, и вырваться из этого круга знакомых музыкальных тем было, казалось бы, невозможно.

Иногда его спасала классическая музыка. Самая разная. Он мог часами слушать фортепьянные записи Рахманинова или Скрябина, а потом наслаждаться музыкой Нино Рота. Или начать утро с Альбини или Брамса, а вечер провести в компании с Дэнни Эльфманом или Эннио Морриконе. Он

с удовольствием слушал многочисленные записи Паваротти, и иногда на него находило нечто такое, что он, закрыв лицо ладонями, словно его кто-то мог увидеть, рыдал... вначале он думал, что рыдает от нахлынувших на него чувств, связанных с его разрывом с женой, и тогда он предавался воспоминаниям, углубляясь в них, – и словно видел перед собой Веронику, слышал ее голос; больше того, в какие-то моменты ему казалось, что он поступил с ней подло: предал, оставив ее одну, на растерзание влюбленного в нее по уши Михаила. Но потом он с горечью осознавал, что плачет не по своей угасшей любви к этой милой романтической женщине (к тому же очень быстро выскочившей замуж за этого самого Михаила и успевшей родить ему двоих сыновей), а по себе самом, по своей утраченной силе, – страдает именно как композитор. Что творцы, чью музыку он поглощал всем своим существом, были гениями и наверняка не мучились так, как он, в поисках новых проникновенных мелодий, а он, он... А ему уже ничто не поможет! Ни тихий лес с открытым для порывов вдохновения небом, ни отсутствие раздражающих факторов (друзья, тусовки, суета, женщины), ни бездна свободного времени, ни, как он прежде считал, талант.

На этот раз в салоне его автомобиля звучала Лара Фабиан – The Dream Within. Хотелось ехать и ехать, скользя мимо сугробов, сверкающих так, что, казалось, они посыпаны бриллиантовой пылью...

Машина въехала в лес, дорога сузилась, и Герман поду-

мал, что, к счастью, неподалеку от этого леса находится жилой поселок Киселево с отлично налаженной инфраструктурой, и что сюда – по его же просьбе – время от времени навешиваются трактора, расчищающие путь. До самых ворот его дома.

Багажник был забит покупками, и Герман предвкушал, как он сейчас приготовит себе салат из свежих овощей. Почему-то в такие вот затянувшиеся холодные дни ему всегда хотелось чего-то свежего, витаминного, и в магазине у него просто глаза разбегались от изобилия свежих помидоров и перцев, баклажанов и зелени.

– Только не пугайтесь! – услышал он вдруг за спиной женский голос и похолодел. Руки непроизвольно повернули руль, и машина врезалась носом в мягкий пышный сугроб. – Я забралась к вам в машину, когда вы на стоянке разговаривали с каким-то мужиком... просто у меня проблемы, и мне пока что негде жить. Я знаю, кто вы и где живете, читала в каком-то журнале. Да и внешность у вас запоминающаяся. Красавчик такой!

Герман медленно повернул голову, уверенный в том, что прямо ему в лоб окажется направлено дуло пистолета. Примерно такого же, как его «Иж-71». И не приготовит он себе салат. И вообще, он никогда не выйдет из машины. И весь дорогой кожаный салон его автомобиля кто-то долго будет потом отмывать от крови... Вот такие идиотские мысли у него в голове крутились, пока он не встретился взглядом с

ярко-синими глазами худенькой русоволосой девушки в золотистой курточке с капюшоном, отороченным мехом рыжей лисицы. Оружия у нее в руках не было.

Голос у нее был приятный, хрипловатый, чувствовалось, что она курит. Глаза смотрят весело и одновременно умоляюще.

– Я не понял: вам что от меня нужно? Деньги? – хрипло спросил он.

– Пожить у вас, чтобы меня никто не нашел.

– Проблемы на личном фронте? – Он и сам не понял, откуда у него взялся этот ироничный, ничем не оправданный тон. А вдруг у девушки на самом деле серьезные проблемы, а он подшучивает над ней? Или после испуга его бросило в другую крайность?

– Да, можно сказать и так, – с ее нежного лица сошла улыбка. Да и румянец тоже исчез, как будто его кто-то стер.

– Но я живу один не потому, что мне не с кем жить, а потому, что мне нужно работать... я не смогу заниматься своими делами... Вы же знаете...

– Да все я знаю, – устало проговорила она и мгновенно словно бы стала старше. – Вы же Герман Родионов, верно? Это же вы написали музыку к фильмам «Моя мать – кукушка» и «Чужая кровь», так? И еще многое другое... К спектаклю «Маргарита никогда не вернется» и «Один страх на двоих»...

Я не удивился. Многие меня знают – даже в лицо. Хотя обычно композиторов узнают по их музыке. Но я же не проигрыватель, чтобы от меня постоянно исходила музыка! Словом, я не знал, как мне отреагировать на то, что в мою машину, пока я беседовал на парковке возле супермаркета с приятелем, забралась незнакомая девушка с какой-то проблемой. Быть может, будь я помоложе, я бы не растерялся так сильно. Или же я продолжал разыгрывать уже не только перед собой, но и перед незнакомкой свою чрезмерную занятость, словно присутствие в моем доме постороннего человека может помешать мне рождать каждый день по гениальной мелодии? Как бы то ни было, но воспитание не позволило мне открыть дверцу машины и вытряхнуть мою неожиданную пассажирку в сугроб.

– Хорошо, поедem ко мне, а там видно будет, – сказал он уныло, с трудом представляя себе, как будет строить отношения с этой девицей. И в какой роли выступит – обвинитель или защитника?

– Вот спасибо!

Больше она до самого дома не проронила ни слова. Герман посматривал на нее в зеркало – она сидела, с задумчивым видом уставившись в окно, и видно было, что она страдает. А он пытался представить себе, что же могло ее заставить залезть именно в его машину? Словно это не он, а она живет в глухом лесу, без друзей и родственников, у ко-

го можно было бы перекантоваться, переждать тяжелое для себя время. А если она все это выдумала, чтобы забраться в его берлогу и стясти с него деньги? Но наличных у него в доме совсем мало, в городе, как правило, он расплачивается карточками. Золота и драгоценностей у него тоже нет.

– Я не воровка, – вдруг произнесла она, словно услышав его мысли.

Он промолчал. Даже не выказал ей своего удивления. Постепенно он находил способ общения с ней – как можно больше молчать и ничем не выдавать ни своего любопытства, ни удивления, ни тем более сочувствия. И еще – общаться с нею только на «вы». Так будет проще.

– Я помогу? – спросила она, когда Герман, проехав во двор и заперев за собой тяжелые массивные ворота, открыл багажник, чтобы достать оттуда многочисленные пакеты с едой.

– Давайте, – проговорил он неуверенно.

– А у вас скромный домик... ну просто совсем скромный. Я думала, что у миллионеров не такие дома. – Она говорила с какой-то грустью, словно жалела его. – Хотя для одного вполне достаточно...

Они поднялись на крыльцо, и Герман показал, куда нести пакеты.

– О! Уютненько! Чистенько! – сказала она и опустила тяжелые пакеты на пол. – И тепло. Еще раз извините меня за то, что я напросилась к вам.

Он продолжал молчать, ожидая, что она сама не выдержит и все-таки признается ему, почему села именно в его машину. И еще он загадал. Если эта девица в его отсутствие, то есть пока он будет загонять машину в гараж, начнет хозяйничать в его доме, раскладывать продукты, открывать шкафы и холодильник, то он выпроводит ее уже сегодня. Он не любил таких самоуверенных девиц, которые повсюду чувствуют себя как дома.

– Вы уж простите, – крикнула она ему вдогонку, когда он собрался выйти из кухни, – но я не стану разбирать ваши сумки! А курить у вас можно?

– Нет, нельзя, – бросил он резко. Он действительно не любил, когда в доме курили. Он мог покурить сам, там, где ему нравится, но посторонние не должны были отравлять чистый лесной воздух.

– Тогда я покурю на крыльце, – сказала девушка и последовала за ним. Устроилась на крыльце и, нервно сбивая носком ботинка снег со ступенек, запалила сигарету.

Она, похоже, продолжала читать его мысли!

Тогда он подумал: «А может, мне переспать с ней?»

И она тотчас ответила:

– Вообще-то я выбрала вас совсем не потому, что я такая уж меломанка, просто обстоятельства моей жизни сложились таким образом, что мне потребовалось скрыться, а под рукой как раз оказалась газета с вашим интервью, где вы пишете, что снимаете дом в киселевском лесу. Дело в том,

что эта местность мне очень хорошо знакома, неподалеку отсюда находится один поселок. Думаю, вы там бывали много раз. Так вот, у меня там жила подруга, и я часто приезжала к ней в гости. Вот откуда мне известен этот лес. Словом, так уж все сложилось, что я подумала – именно в этом лесу-то мне и надо спрятаться.

«Нет, слава богу, мысли она не читает», – подумал Герман. А вслух сказал:

– Почему же вы не попросились к этой подруге?

– Я знала, что вы так скажете! Но она там уже давно не живет. У нее... Словом, мне туда теперь нельзя.

– А ко мне, к совершенно незнакомому мужчине, можно? – мягко упрекнул он ее.

– Понимаете, есть такие люди, с которыми ты чувствуешь себя в безопасности... Такие, как вы, например. Вы – известный человек, к тому же у вас светлая душа... Об этом говорят ваши чудесные мелодии. Словом, я выбрала вас.

– А если я все же не соглашусь?

– Тогда я переночую в вашем сарае. Думаю, старый плед у вас найдется, – сказала она и отвернулась.

2

Утверждать, что мне не было любопытно, что же случилось с этой девушкой, означало бы солгать самому себе. Хотя предположений у меня возникло великое множество. Одна

только личная жизнь молодой особы может дать обильную пищу для размышлений: бросил парень, бросила парня, изменил парень, изменила парню... Звучит просто, а как сильно все эти дела могут травмировать психику? Или просто-напросто разрушить жизнь! Может, и она, эта девушка, пришла ко мне, прижимая к груди свою разрушенную жизнь, а я и не заметил? Но разве мне не достаточно было того взгляда, каким она смотрела в окно? Взгляда, от которого у меня мороз шел по коже и хотелось взять ее за руку и спасти...

Между тем Герман, разложив продукты, принялся готовить обед. Конечно, будь он один, он и по кухне двигался бы проворнее, и, нарезая салат, постоянно хватал бы кусочки сочных овощей и заталкивал их в рот. Сейчас же, под пристальным взглядом незнакомки (они все еще не познакомились!), он просто старательно все нарезал и складывал в большую прозрачную салатницу.

– Как волшеббно пахнет укроп, – наконец сказала она. – Да, кстати, меня зовут Нина. Правда, ужасное имя? Когда кто-то хочет со мной познакомиться, я всегда представляюсь самыми разными именами. В зависимости от настроения. Или от того парня, который ко мне клеится.

Она была очень красива. Вот что было самым главным и что давало ей право так нахально вторгаться в чужие жизни. Она знала, что ей все простят потому, что она красива. Что любой мужчина, к которому она пристанет со своими проблемами, не сможет отказать ей сразу – уже хотя бы пото-

му, что ему захочется рассмотреть ее хорошенько: ее нежное лицо, блестящий, словно чисто вымытый и насухо вытертый розовый носик, огромные синие раскосые глаза, белые зубки, такие белые и ровные, что ими тоже хочется любоваться, не говоря уже о полненьких аккуратных губках. Спутанные, но чистые волосы до плеч – они мешают ей, и она постоянно закидывает их за спину, путая пряди еще больше. Под курточкой у нее оказалось стройное, какое-то узкое тело. Серый пушистый свитер, черные брючки, сапожки. Все такое простое и в то же самое время отлично сидевшее на ней и уютное, как и она сама. Удивительно, что природа наградила женщину неким особым свойством – даже в чужом доме чувствовать себя комфортно и как-то очень уж по-женски. С одной стороны, в мой день она ворвалась нагло – просто забралась в открытую машину. С другой – сидела смирненько за столом и просто наблюдала, как я режу салат. Никаких хозяйских выпадов, которые так раздражают меня, вроде: «Господи, да давайте я нарежу салат!» – не было. Она ясно понимала, где находится, что ей можно, а что нельзя.

– У меня есть суп, очень вкусный, с грибами, – сказал Герман. – Будете?

Она как-то неопределенно пожала плечами. Конечно, она была голодна. Мало того что на улице зима и почти все время хочется есть (Герман судил по себе), к тому же надо учесть: чтобы создать себе проблему и испытать всю положенную в этой ситуации душевную боль – тоже требуется время,

плюс – неизвестно, где она поджидала его: может, торчала у супермаркета, зная, что он по пятницам приезжает туда за продуктами... неужели она за ним следила?!

– Вообще-то я за вами следила, – она кивнула головой, снова прочитав его мысли. – Даже такси нанимала. Но просто взять и приехать в лес я не посмела.

– Может, вы все-таки расскажете, что с вами случилось?

– Да так... неприятности.

– И что же, во всей Москве не нашлось ни одного человека, который пустил бы вас под свою крышу и оказал вам помощь? Это как же надо прожить жизнь, чтобы не обрести друзьями? Знаете, у меня существует своя философия на этот счет. Если человек никому не делает добра, то и ему тоже никто и ничего не сделает. Может, это покажется смешным, но я придерживаюсь... теории пожара.

– Пожара? – Она взяла листик салата и принялась его нервно грызть.

– Ну да! Вот, если, к примеру, у вас сгорит дом, вам будет к кому пойти?

Он не успел договорить, как она уже ответила:

– Нет! А у вас?

– У меня есть такие друзья, которые примут меня, голого и босого, голодного и без жилья, и поселят меня у себя хоть на веки вечные, – ответил Герман не без гордости. – И они знают, что двери моего дома всегда открыты для них.

– Станный вы человек, Герман! А как же ваше затворни-

чество? Вы же сами сказали в интервью, что никого не хотите видеть.

– Это же временно! Просто мне надо закончить одну важную работу.

– Музыку к очередному фильму? – Нина улыбнулась так нежно, что он невольно устыдился своего недавнего намерения отказать ей в гостеприимстве.

– Да, – солгал он, потому что никакого нового заказа у него давно уже не было. Вернее, он уже сдал последнюю работу, причем фильм готовился к выходу, и его друзья, видевшие материал, считали, что весь фильм вытянет именно его музыка.

– Какая же у вас интересная работа!

Она продолжала сидеть за столом с видом случайной гостьи и даже, что называется, ухом не повела, чтобы помочь Герману накрыть стол.

– Понимаете, сижу я тут у вас и чувствую себя крайне неуверенно, – неожиданно сказала она, словно оправдываясь. – Вы, насколько мне известно, холостяк, у вас установились свои привычки, и, возможно, вы не любите, когда посторонние люди прикасаются своими руками, – она скорчила гримаску отвращения, как если бы ее собственные руки были грязными и липкими, – к вашим тарелкам и кастрюлькам. Вообще-то я умею все делать, готовить...

– Да-да, вы все правильно понимаете. – Он и сам не понял, зачем это сказал. Да и вообще, он еще не разобрался в

себе – хотелось ли ему, чтобы она продемонстрировала ему свои женские хозяйственные способности, или нет? Но уже то, что она объяснила ему свою пассивность, показалось ему милым.

Он готов был сам расспросить ее, что же с ней такого случилось, почему она подстроила это странноватое знакомство, как вдруг услышал:

– За постой в вашем доме я готова заплатить столько, сколько вы скажете. У меня есть деньги.

Сказано это было не то чтобы с достоинством, но как-то просто, естественно, что тоже понравилось Герману.

– ???

– Понимаете, все это крайне серьезно... Поэтому ваше согласие я расценю, как... как работу, если хотите!

Она широко раскрыла глаза, и Герману показалось, что они увеличились чуть ли не вдвое. Чудесная загадочная девушка! Из-за таких стреляются, принимают яд или бросаются с крыши.

– Давайте сначала пообедаем, а потом вы все мне расскажете, – сдержанно произнес он.

– И вы уверены, что хотите все знать?

– А как бы вы поступили на моем месте?

– Просто пустила бы человека к себе под крышу, поверив ему на слово.

– Но и вы тоже должны понять меня. Вот если бы я, к примеру, сбил вас (не дай бог, конечно!) на дороге, словом,

слегка травмировал и привез бы к себе, предложив вам пожить у меня до окончательного выздоровления, тогда бы все было понятно. Или просто познакомился бы с вами в том же супермаркете, случайно оказавшись свидетелем семейной драмы, в ходе которой ваш муж или, например, любовник ударил бы вас... Улавливаете мою мысль? Вот тогда бы я сам, скорее всего, поддавшись эмоциям, предложил вам свой кров. А так? Что получается в действительности? Вы выслеживали меня, причем сами в этом признались. Зачем? Почему вы выбрали именно меня?

– Мне показалось, что я все объяснила – вы внушаете мне доверие! И именно газета с вашим интервью попалась мне под руку! Я восприняла это как знак судьбы.

– Но не слишком ли все сложно, учитывая сложившиеся обстоятельства? Насколько я понял, у вас проблемы именно в личном плане?

– Да как вам сказать... – Она с благодарным видом приняла из его рук тарелку с дымящимся супом. – Просто я убила мужа, а потом – и его друга.

Герман подумал: хорошо, что тарелка с огненным супом оказалась у нее руках – иначе он бы уронил ее, предварительно здорово ошпарившись. Ну и шуточки у этой девицы!!!

– Ну и шуточки у вас! – покачал он головой. – Я же мог обвариться!

– Но я не шутила, – поджав губы, проговорила она обиженно. – Разве такими вещами шутят?

– Конечно, шутят! Знаете, подобные вещи, точнее, такие слова, как «убила» или «убийство», лучше не произносить вслух. Сами же знаете, что слово может стать фактором материальным.

– Я застрелила их обоих. Не уверена, что меня ищут... Постараюсь объяснить. Понимаете, я попала в очень нехорошую историю. Сначала – любимый муж и все такое... Полное ослепление. – Она, перед тем как отправить ложку в рот, подула на горячий суп. – Мой муж занимается... точнее, занимался бизнесом. И задолжал своему другу довольно-таки крупную сумму. Что-то у них там не получилось, и друг потребовал, чтобы мой муж расплатился... *мною!* Они заманили меня на дачу. И это зимой, представляете?! Вокруг – ни души. Объяснили мне все на пальцах, как идиотке, – мол, соглашайся, ничего же особенного! Хорошо, что при мне был пистолет мужа, я словно чувствовала, что он мне может пригодиться.

Герман вдруг расслабился и облегченно расхохотался. Пистолет! Это многое объясняет. Девушка обладает превосходным чувством юмора!

– Вы мне не верите?

– Нет-нет, что вы, конечно же, верю! Каждая нормальная девушка начинает день с того, что кладет в сумочку пистолет своего мужа – мало ли что, а вдруг пригодится? Жизнь-то нынче какая! Полная всяких опасностей! К тому же такую красивую девушку, как вы, вероятно, так и хочется куда-ни-

будь умыкнуть, на дачу ли или еще куда-нибудь.

— Ну и ладно! — Она вдруг улыбнулась во весь рот и трянула головой, мол, проехали. — Не хотите — и не верьте! Знаете, очень вкусный суп. А где вы покупаете сметану к нему? Она прямо как деревенская.

— В деревне и покупаю, неподалеку, в Уваровке.

— Отлично! И вообще, у вас тут — просто рай. Думаете, я не заметила ваших курочек? На белом снегу — чернушки и пеструшки... Наверное, вы и яйца свежие каждый день едите?

Она заговорила — после того, как он практически поднял ее на смех, — очень манерно, покачивая головой, постоянно и как-то нарочито улыбаясь. Вот и тему для разговора нашла такую, чтобы поддеть его: мол, великий композитор — и курочек выращивает. Хотя какой он, к черту, великий?!

— Знаете, я очень люблю на завтрак хлеб с маслом и яйца всмятку. Просто мечта!

Герман, вздохнув (в голове у него промелькнула мысль, что в его доме загостилась сумасшедшая), принялся раскладывать салат по тарелкам. И вдруг поймал себя на мысли, что ухаживает за совершенно чужим человеком, расшаркивается перед неизвестной женщиной, которая не удосужилась даже рассказать ему «историю своей жизни», разрыдавшись при этом на его плече. То есть эта Нина ведет себя совершенно не по-женски. Плюс еще это нелепое и унижительное для него предложение — заплатить ему за постой. Бред

какой-то!

– Знаете, я понимаю, что вы в шоке от моего пребывания здесь и считаете, вероятно, меня нахальной и скверной особой.

Герман даже жевать перестал, настолько он удивился из-за того, что в голосе Нины слышались слезы.

– Я и сама сейчас понимаю, насколько по-идиотски все это выглядит со стороны! Я-то выбрала вас в качестве своего защитника, действуя исключительно в своих эгоистических целях и уж, конечно, нисколько не забываясь о вашем душевном состоянии... А теперь, находясь здесь и осознав, что вы спрятались в этом лесу, в этом доме вовсе не для того, чтобы стать чьим-то защитником и благодетелем, и у вас, когда вы сбегали сюда, были свои, вполне определенные планы... я понимаю, что поступила по отношению к вам... отвратительно! Знаете что, Герман, я все доем, и, пожалуйста, ответьте меня обратно. То есть к супермаркету. Пусть меня арестуют, если догадаются, конечно, что это я убила тех двух негодяев.

– Нина! – заорал он, чувствуя, что начинает терять терпение: за время ее монолога он, уже успев попасть под ее влияние, понял, что готов хоть удочерить ее! – Что вы такое несете, право?! Вы бы лучше рассказали, что произошло с вами на самом деле, и мы подумали бы, как вам помочь! Может, я бы подсказал вам, где снять квартиру. Хотя вы сами сказали, что у вас есть деньги? Знаете, я уже ничего не понимаю!

– Вам и не надо ничего понимать. Лучше поставьте чайник. Очень чаю хочется! Думаю, что положили в салат слишком много лука и чеснока, у меня внутри все горит.

Герман встал, налил в чайник чистой родниковой воды (которую он привозил из Каменки), включил его. Движения его были автоматическими. Если бы его спросили через пару минут, поставил ли он греться воду, он вряд ли бы ответил уверенно – да или нет.

Так же машинально он вымыл заварочный чайник и приготовил его для ошпаривания горячей водой. Достал из буфета коробку с черным чаем. Отвернулся к окну, зажмурился, тотчас представив себе, что, обернувшись, он не увидит за столом Нину. Какие бы чувства он испытал? Облегчение? Да? Это на самом деле так? Или он расстроился бы, что снова остался один, а впереди – еще целый вечер, наполненный тишиной или чужой музыкой, и до такого уровня ему никогда не дотянуться?!

– Нина, давайте поговорим начистоту, – предложил он, смело глядя ей в глаза, в душе побаиваясь, однако, увидеть в них какие-либо признаки ее сумасшествия. – Вы – нормальная девушка? Вы случайно не сбежали из психушки?

– Нет. А что, похоже? – Она совершенно не обиделась. Только нервно улыбнулась.

– Но согласитесь, что нормальная девушка не расскажет первому встречному о том, что она буквально только что совершила два убийства! Не так ли?

– Так я же пыталась объяснить вам, что вы – не первый встречный! Что я выбрала именно вас! Я и раньше представляла вас себе именно таким... порядочным, добрым, нежным... Об этом свидетельствует ваша музыка! И, конечно, немаловажный факт – что вы живете в лесу, то есть в полном уединении, и маловероятно, что меня у вас кто-то увидит. Поймите и меня: а что, если меня все-таки вычислят?

– Давайте так. Вы мне рассказываете, как все произошло, и потом я решаю – оставлять вас у себя или нет. Идет?

– Идет. Да только я ведь вам уже все рассказала! И не думаю, что вам нужны подробности. Поймите, наконец, что мой муж, Вадим, оказался порядочной дрянью, просто сволочью. Он привез меня на дачу, куда спустя несколько минут приехал и его друг, Андрей. Я поставила чайник, потому что очень замерзла. Словом, мы сели за стол, и вот тогда-то Вадим и объяснил, что он привез меня сюда специально для того, чтобы я осталась с Андреем – на три дня. Он задолжал Андрею, и я, как его жена, должна помочь ему расплатиться... вот в таком духе! И что мне было делать?!

– Но... – Герман решил подыграть ей, все еще не веря в то, что она говорит правду. – Ведь ты же могла просто взять и сбежать!

Он и не заметил, как перешел на «ты».

– Так я и сбежала, предварительно пальнув в них обоих из пистолета, – она пожала плечами.

– А пистолет откуда взялся?

– Вадим сам разрешил мне носить его с собой. Просто однажды на меня напал какой-то маньяк, хотел меня в лифт затащить. Еле отбилась. Мне было так противно, так мерзко, что я пнула его каблуком в живот, потом еще куда-то... Словом, после этого случая Вадим и сказал, что я могу брать его пистолет.

– Документ, позволяющий тебе носить оружие, у тебя имеется?

– Разумеется, нет!

– Но если, как ты говоришь, ты убила двоих человек... Да, кстати, а ты уверена, что они мертвы?

– Абсолютно.

– Хорошо. А обо мне ты подумала? Что, если тебя все-таки найдут у меня? Ведь ты подсела ко мне в машину возле супермаркета, а там всегда полно людей. К тому же ты сама видела, как я разговаривал со своим знакомым.

– Меня никто не видел, я точно знаю.

– Но у меня могут быть неприятности!

– А что мне было делать? – повторила она свою недавнюю фразу.

– В смысле?

– Если ты сдашь меня, то я вынуждена буду сказать, что ты помогал мне. И знал о том, что я собираюсь убить своего мужа и его друга!

У Германа резко схватило живот.

Она осталась. Герман постелил ей в своей спальне, сам же лег, как это и предполагалось, в гостиной, на диване. После ужина он, испуганный, обиженный, пребывавший в шоке от того, что он совершил по своей же глупости, практически все время молчал. Разве что бросал своей «гостье» через плечо: «Постель я постелил» или: «В ванной комнате найдешь чистое полотенце и халат». Он бы еще все это пережил, если бы убедился – она просто сумасшедшая. В крайнем случае, он бы ее запер в чулане. Но все случившееся после того, как она заперлась в ванной комнате, свидетельствовало о том, что сказала она ему чистую правду.

Пользуясь случаем, он вошел в спальню, куда она притащила свою небольшую дорожную сумку (сумка, брошенная Ниной на заднем сиденье его автомобиля, лишний раз доказывала тот факт, что она на самом деле ушла из дома с вещами и собиралась где-то какое-то время перекантоваться), и, осмотрев ее багаж (белье, плеер с наушниками и черный, тяжелый на вид пистолет), понял, что она на самом деле совершила убийство. Конечно, дуло пистолета он не стал нюхать (откуда-то он знал, что дуло после выстрела должно пахнуть порохом), побоялся даже, обмотав пальцы носовым платком, взять его в руки. Ему вполне хватило ее угрозы. Ведь она ясно сказала ему: в том случае, если он ее сдаст,

она вынуждена будет заявить в милиции, будто он помогал ей в планировании преступления.

И что теперь? Ждать, когда она сама уйдет от него? И когда же наступит это прекрасное утро, когда он, проснувшись, не обнаружит ее в своем доме? Через неделю? Месяц?.. И что ему все это время делать? Продолжать жить, не обращая на нее никакого внимания? Или же искать способ, как бы поскорее с ней расстаться без тяжелых для себя последствий?

Позвонить Леве Рубину, продюсеру, и объяснить ему все в двух словах? У Левы большие связи, кроме того, он очень умный человек и мало чего (кого) боится. Он непременно подскажет ему, как выпутаться из этой дикой ситуации.

Было часов десять вечера, когда он активно вспоминал Леву и даже представлял себе их разговор, как вдруг раздался колокольный звон – это ожил телефон. И кто же позволил себе потревожить его?

– Привет, Гера, – услышал он знакомый жирненький голос, и от радости или удивления, а скорее всего, от того и другого, у него забегали мурашки по позвоночнику. Лева!

– Лева, это ты?

И практически в это же самую минуту из ванной комнаты выплыло существо, замотанное в его махровый халат и источающее густые мыльно-парфюмерные ароматы. Нина. Имя-то у нее какое кроткое, миленькое, мягонькое! А на самом деле она – зверь, хищник, убийца!

– Извини, что так поздно, понимаю, что ты наверняка

уже увяз в своих перинах... – Лева говорил быстро, но сейчас Германа это не раздражало, наоборот, он был до визга рад звонку и этой Левиной манере – быстро озвучивать свои мысли. Краем глаза Герман увидел, как Нина прошмыгнула в спальню и прикрыла за собой дверь. – Коровин позвонил, он затевает одну экранизацию. Говорит, что хочет только твою музыку, просто спит и видит! Точнее, слышит твою музыку, и если ты поможешь ему, то получится настоящий шедевр. Он говорит – готов извиниться за то, что произошло два года тому назад, ему дико стыдно, он заплатил тебе на двадцать процентов меньше, чем обещал, но сейчас, знаешь ли, он при деньгах. И он готов сделать для тебя все, лишь бы ты только согласился. И еще – музыку надо написать до лета. Это неременное условие! Человек, спонсирующий фильм, – его имя не будет даже значиться в титрах, – но мы-то с тобой знаем, кто это! Словом, он тоже завелся этой идеей.

– Постой, а кого экранизировать-то?

– Бунина, в фильме пройдут темы нескольких его повестей или рассказов. Словом, такая фантазия на тему Бунина... ты же лирик, Герман, вот они и решили, что фильм можешь спасти только ты!

Герман вновь испытал сильнейшее волнение, как и в ту секунду, когда только услышал голос Левы, причем волнение приятнейшее. Бунин! В его пустой голове и пустой душе тоже словно произошло пусть вялое, но все равно движение. Ах ты, импотент несчастный!

– Что будем делать? – Как ни странно, но этот вопрос задал не Лев, а Герман – своему продюсеру.

– Это ты у меня спрашиваешь?! По-моему, мой друг, все складывается как нельзя лучше! У тебя сейчас идеальные условия для творчества, ты живешь в лесу, в тишине, тебе никто не мешает, вокруг тебя не крутятся все эти бабы, да и твоя жена, по-моему, тебе больше не докучает, так? Думаю, до лета у тебя еще куча времени, ты все успеешь. К тому же условия – великолепные! – и Лева выкрикнул в трубку сумму обещанного гонорара. – Это разовая выплата, плюс, как ты понимаешь, проценты от проката фильма и телевизионного показа. Понятное дело, что и все остальное, связанное с использованием твоей музыки, будет под моим строжайшим контролем.

Герман вдруг подумал, что этот звонок Левы не случаен, как и не случайно вообще все, что делается и происходит вокруг него. В последнее время он, сгорая от стыда перед самим собой, жил в полной творческой пустоте, в пустыне, и вот ему предлагают работу, и какую! Музыку к экранизации Бунина! Судя по бюджету, планируется роскошный проект, и надо быть круглым идиотом, чтобы от него отказаться. А что, если именно Бунин и пробудит его от спячки и волеет в него новые силы?

Он на какой-то миг зажмурился, представляя себе широкий экран и заставку – длинная, утонувшая в молоке тумана аллея и белый, призрачный дом с балконом, на котором сто-

ит главная героиня. Или, предположим, Митя из «Митиной любви»... с пистолетом у виска.

– Да, кстати, я вспомнил, – услышал он в трубке Левин голос. – В основе сюжета – повесть Бунина «Митина любовь».

И вновь Герману стало не по себе, как в тот миг, когда ему казалось, что Нина угадывает его мысли.

– Хорошо, Лева, присылай мне проект контракта, ячитаю.

– Но потом тебе все равно придется приехать в Москву, надеюсь, ты это понимаешь? Коровин должен обсудить с тобой концепцию фильма, – захохотал ему в ухо Рубин. – За водочкой и поговорите!

– Лева, прекрати издеваться. Я все понял и, когда понадобится, приеду.

– А ты там не скучаешь? Или, может, тебе что-нибудь нужно? – не унимался Лева.

– Да, нужно. Побывать одному, почитать на досуге.

– На досуге?! Ха-ха-ха! Уж этого-то добра у тебя – вагон! Почитай-почитай Бунина, глядишь, проймет тебя до пят! Я, честно говоря, после разговора с Коровиным сам открыл Бунина, полистал. Кстати, «Митину любовь». Многого вспомнилось. Подумал, что мы как-то неправильно живем. Несемся куда-то, как шальные... Людей вокруг себя не видим. Их беды и страдания. Больше того, мы словно привыкли к чужим страданиям, и они нас больше не трогают.

– Лева!

– Я серьезно. Вот, к примеру, у меня за стеной одна семья живет. Вернее, не семья, а так – обрубок семьи. Какая-то женщина, я ее даже никогда не видел, постоянно орет на свою больную мать. А у матери, судя по всему, склероз, и она ничего не помнит. И дочь так орет на нее, так выражается, что у меня стены дрожат! Она унижает ее такими словами, что мне все время хочется вычислить эту квартиру. Понимаешь, они не в нашем подъезде живут, а в пристройке. Словом, я никогда, повторяю, никогда не видел эту грымзу. У нее низкий прокуренный голос, и я представляю ее себе какой-нибудь начальницей. Голос, помимо того что прокуренный, еще и властный и какой-то... опасный. Словом, не хотелось бы мне пересечься с ней по жизни! Я не из слабаков и не из нервных типов, но мне кажется, что если я увижу ее, то и сам наговорю ей много всякого-разного. Знаешь, я думаю, что она специально роняет инвалидную коляску, в которой передвигается по квартире ее мать, может, она даже бьет мамашу, потому что старуха потом, после этого страшного грохота и шума, потихоньку скулит.

– Ты серьезно?! – Герман был потрясен представшей в его воображении картиной. – Почему же ты до сих пор не узнал номер этой квартиры, не поговорил с этой бабой, не вызвал милицию, наконец? Или записал бы весь этот шум и оскорбления на диктофон!

– Когда-нибудь я это непременно сделаю, да, сделаю. И я бы уже давно так поступил, да только чувствую, что окунусь

при этом в такую человеческую вонь, в такую помойку! Я имею в виду отношения между этими бабами. А мне сейчас нельзя испытывать негативные эмоции. У меня много работы, я прихожу домой поздно, подолгу лежу в ванне, обдумывая свои дела, а потом – в постель... Представляешь, у меня нет даже любовницы!

– А Лиля?

– Она хочет замуж, понимаешь? А какой из меня семьянин? Я не умею жить вдвоем с кем-то. И тем более втроем.

– Но тебе уже пятьдесят!

– Ну и что? Вот ты женился рано, у тебя была семья, жена-красавица, Вероника твоя. Почему ты с ней не остался?

– Она требовала к себе внимания, а я писал музыку.

– Красивая история! Вот и у меня так же. Они все хотят внимания, а у меня на них нет сил. Ладно, старик. Я позвоню тебе завтра. Почитай Бунина на ночь. Почитай!

Герман чуть было не крикнул: «Постой, старик, не отключай телефон, поговори со мной еще, мне страшно, у меня в доме какая-то сумасшедшая, неизвестно, что она выкинет!» Но не крикнул. Стоял с телефоном в руке, в каком-то оцепенении, где-то под ребрами было такое неприятное чувство, словно туда лед засунули.

Как бы все хорошо сложилось, если бы к нему в машину не подсела эта особа! Радовался бы новому заказу, читал бы Бунина, сочинял музыку...

Он подошел к двери спальни, постучал. Он и сам не знал,

зачем хочет видеть Нину.

– Да, открыто, – услышал он и разозлился, что ему в собственном же доме позволяют войти в собственную спальню.

Он вошел и увидел Нину, по-прежнему укутанную в халат, усевшуюся по-турецки на постели и рассматривавшую ногти.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила она ласково, как если бы это он снимал у нее комнату.

– Послушайте, Нина, – он порывистым движением опустился на краешек кровати и, чувствуя, что не владеет собой, взмолился: – Прошу вас, оставьте меня! Я не знаю, что такое произошло в вашей жизни... вы рассказали мне душещипательную историю... Я понимаю, всякое могло с вами произойти, но у вас своя жизнь, а у меня – своя. Мне только что позвонил мой продюсер, с завтрашнего дня у меня начинается работа. Мне поручили написать музыку к фильму. Я не смогу работать, творить, когда мне кто-то мешает! Если хотите, я дам вам денег, и вы снимете дом где-нибудь поблизости, если вам так уж нравятся эти места. Только оставьте меня, очень прошу вас!

– Но я не могу! Я же вам все объяснила! Я не хочу в тюрьму! Если я поселюсь в другом месте, то меня сразу же заметят, вычислят и сдадут, а вы – нет. Вы – хороший, добрый, великодушный человек, мне вас бог послал! Вы были когда-нибудь в тюрьме?

– Упаси господь!

– Вот! И я тоже туда не хочу. Тем более из-за каких-то подонков!

– Хорошо, тогда ответьте мне на один вопрос. Вы сказали, что убили двоих человек...

– Они не люди, они – нелюди!

– Но кто вам дал право судить их?

– Послушайте, я не судила их. Просто я защищалась, понимаете? К тому же я находилась в таком состоянии...

– Но вас же не пытались изнасиловать? Вы могли просто убежать.

– А я и убежала! Но предварительно пальнула в них.

– И что вы сейчас чувствуете?

– Вы хотите знать, не переживаю ли я? Не испытываю ли я страха перед их призраками и все такое прочее? Так вот – нет и еще раз нет! Я рада, что никогда в жизни не увижу больше этих подонков!

– Но ведь когда-то вы любили своего мужа?

– В том-то и дело... – Голос ее дрогнул. – Я любила, я воспринимала его как свою защиту, опору, у нас с ним все хорошо было... И вдруг – такое! Нет, вы только представьте себе, что ваша жена, например, заявляется к вам и требует, чтобы вы переспали с ее подружкой, которой она задолжала крупную сумму! И подружка – вот она, тут же рядом! Начинает раздеваться... Поначалу вы, может, воспримете все это как дурную шутку. Даже рассмеетесь, а потом поймете, что шутка-то пошлая, мерзкая, если вы, конечно, культур-

ный человек!

– Я все понимаю. Но стрелять-то я в жену не стану!

– Знаете что? Не зарекайтесь! Когда-нибудь и вам тоже захочется пальнуть в кого-нибудь. Просто вам повезло, что у вас не возникло таких жизненных обстоятельств!

– И вы не каркайте!

А он, оказывается, снова перешел с ней на «вы». Но все не из-за уважения к ней, а чтобы подчеркнуть – что они слишком далеки друг от друга.

Самое время было пригрозить ей – несмотря на то что она задумала в отношении его, он готов сию же минуту позвонить в милицию и сдать ее – тотчас. Но он не сделал этого. Смалодушничал. И подумал как бы вдогонку своим чувствам: он таков, каков есть. А будь он другим человеком, то и музыка его была бы другой. Кроме того, все знают, что он – человек с фантазией, с тайной, а потому... пусть себе поживет в его доме эта малахольная! Даже если она – убийца. Если все это и раскроется – ну и что? Он мысленно увидел заголовки в газетах и журналах (Рубин-то расстареется, когда почует шанс на бесплатную рекламу): *«В доме известного композитора Германа Родионова целый месяц (или год, два!) жила девушка-убийца»*. Или: *«Композитор и убийца – что их связывало, кроме творчества?»* Быть может, к тому времени он уже напишет музыку к фильму, и хорошая реклама автору будет обеспечена.

«Ты дурак, Гера», – сказал он, однако, сам себе, вернув-

шись в гостиную. Взбил подушку, лег на диван и укрылся пледом. На экране телевизора разыгрывались нешуточные страсти очередного мелодраматического сериала. Захотелось ему, видите ли, таких же страстей, впечатлений, острых ощущений? Пусть она поживет... Пусть.

4

Ночью он проснулся и понял, что забыл запереть курятник. Выглянул в окно – поднялась метель. Надел куртку с капюшоном, вышел на крыльцо и, как в холодную воду, бросился в вихри пурги. Мелкими перебежками, проваливаясь в густо наметенные, голубые от света единственного фонаря сугробы, он добрался до выложенного из кирпича курятника, посветил фонариком – все куры, похоже, живы, они сидели, тесно прижавшись друг к другу, на жердочках, мигая своими смешными нижними веками. В двух ящиках, устланных соломой, он нашел шесть розоватых, очень холодных яиц.

«Известный композитор выращивает кур в киселевском лесу...»

Вернулся в дом, дрожа от холода. Выложил свою добычу в миску, поставил ее на стол. Включил чайник.

– Что случилось? – Нина появилась ниоткуда. Стояла и смотрела на него, прислонясь к дверному косяку. Одетая, но сонная, хмурая, с выражением лица, как у маленькой девочки, которую разбудили слишком рано, чтобы отвести за руч-

ку в детский сад.

– Курочек забыл запереть, – честно признался он. А что, пусть знает, как он здесь живет, раз собралась составить ему компанию! – Испугался, что они замерзнут.

– Ну и что? Живы? – Нет, она не иронизировала.

– Живы. Даже несколько яиц принес. Хотя, думаю, скоро они перестанут нестись.

– От холода?

Он кивнул:

– Извини, что разбудил.

– Ничего. Просто я испугалась. Подумала, что ты позвонил в милицию и они уже приехали, чтобы взять меня. Тепленькую. – Она поджала губы.

– Нет, я не сделаю этого.

Она посмотрела на него так, что у него сжалось сердце. Он вдруг вспомнил ее слова о том, что ей не у кого спрятаться. Он не представлял себе, как это возможно – так прожить пусть и небольшую жизнь, чтобы не заиметь никаких друзей. Но у него своя жизнь, у нее – своя.

– Будешь чай пить?

– Буду. Мне и есть почему-то захотелось. Знаешь, когда ты кормил меня вечером, мне, если честно, кусок в горло не лез. А сейчас, когда ты внятно сказал, что не сдашь меня, у меня вдруг проснулся аппетит.

– Чего ты хочешь?

– А ты можешь поджарить эти яйца? – Она как-то криво,

но ужасно мило улыбнулась, как если бы нечаянно (по привычке) попросила черной икры или трюфелей.

– Могу. Только не эти. Эти замерзли. Они не разобьются. Остекленели от мороза. Я приготавливаю вчерашние?

– Хорошо.

Он поставил сковородку на плиту, бросил туда кусок сливочного масла.

И тут она соскользнула спиной по косяку, села на корточки, обняла ладонями лицо и разрыдалась.

– Ну-ну, – он бросился к ней, обхватил за плечи, поднял ее и усадил за стол. – Говорю же, все будет нормально!

Масло зашипело. Он разбил на сковородку четыре яйца, посолил. В кухне вкусно пахло.

– Конечно, мне трудно понять твои чувства, к тому же у меня характер такой, я вообще мало кому верю. Но я не мог поступить иначе – не мог искренне обрадоваться тому, что внезапно в мою жизнь вторглась женщина с таким криминальным... даже не знаю, как и сказать... прошлым или настоящим.

– Спаси меня, пожалуйста! – Она оживала прямо на глазах. Из чужой и казавшейся бесчувственной особы она превращалась в остро переживающую свою беду молодую женщину. Словно до нее только сейчас начал доходить весь трагизм произошедшего. – Вадима все равно не вернешь... Я понимаю, что поступила так сгоряча, что надо было действительно, как ты и сказал, просто убежать... Но что сделано, то

сделано. Просто возмущению моему не было предела. Я так ненавидела их, так презирала, я решила, что они оба вообще не имеют права на жизнь!

– Так, успокойся, и давай подумаем, что делать. Ты же не сможешь постоянно прятаться.

– А почему бы и нет?

– Хорошо. Давай сделаем так. Я должен узнать все и понять, что же на самом деле произошло и в какой ситуации ты сейчас находишься. То есть насколько она опасна и что тебе грозит, будут ли тебя подозревать. Я должен тебя кое о чем спросить. А ты отвечай, хорошо?

– Ладно.

– Где вы с мужем жили?

– У нас квартира на Трубной улице.

– Хорошее место. А конкретнее?

– Четырехкомнатная квартира, где жили мы вдвоем – я и Вадим.

– Вот представь. Он пропал. Исчез. Кто его будет искать?

– О, да, его начнут искать... Его мать, дядя, брат... У него полно родственников.

– Они же примутся звонить тебе?

– Конечно, но я отключила телефон.

– Тогда они начнут искать и тебя!

– Вряд ли. Хотя... Даже не знаю.

– Но логика-то где? Если пропал твой Вадим, а они звонят тебе, и твой телефон не отвечает, то что они сделают?

– Скорее всего, обратятся в милицию. – И она добавила, не переставая усердно макать ломтик хлеба в желток: – Но заявление у них примут только через три дня.

– Как ты думаешь, они могут начать искать его у того... друга? Как его, кстати, зовут? Вернее, звали?

– Андрей. Андрей Вербов. Послушай... послушайте. Не знаю, как к вам обращаться. Трудно как-то, когда мы на «вы», прямо совсем как чужие.

Он хотел возразить – мол, почему это так трудно, ведь они и есть чужие, просто он хочет ей помочь, но промолчал. Ему было интересно, что произойдет дальше. Хотя разве он не понимал, что она пытается увидеть в нем близкого человека, который все понял бы и не осудил ее за совершенное ею преступление. За убийство.

– Ладно, валяй на «ты», – вздохнул он, как бы сознавая, что сдал одну из своих важнейших, принципиальных позиций.

– Да, скорее всего, они начнут искать его у этого друга, его мать знает Андрея, да и брат тоже. Правда, они его недолюбливают, и, кстати, именно из-за этой истории с долгом. Но если и станут, то у Андрея дома и уж никак не на даче. Погода-то какая в этом году! Мороз, снег! Дача, конечно, хорошая, отапливаемая, но кому придет в голову приводить ее в божеский вид в январе? Нет, конечно, бывают семьи, которые и зимой время от времени ездят на дачу и даже живут там. Но у Андрея не такая семья.

– Он женат?

– Да, его жену зовут Ирина.

– Значит, и она рано или поздно примется его искать.

– Думаю, да.

– Вот и получается, что их обоих станут разыскивать и тебя тоже! Вы на чем приехали на дачу? И где она находится?

– Я забыла, как называется этот поселок... Солнечный, кажется.

– Вот! Машину, на которой вы приехали в этот поселок, мог кто-то заметить. К тому же как ты убежала оттуда? На машине?

– Нет. Машина, наш белый «мерс», там осталась. Я еле-еле выбралась по сугробам на шоссе, остановила какую-то машину и поехала в город.

– А потом?

– Вернулась домой, все обдумала, собралась, говорю же – наткнулась на твое интервью. Подумала: вот человек, который мне реально поможет.

– Очень странное решение! Увидела интервью... А если бы там было интервью с каким-нибудь известным певцом?

– Если бы он тоже жил в лесу, то я обратилась бы к нему за помощью.

– Откуда тебе известно, где именно я живу?

– Так ты же в интервью сам упомянул, что у тебя дом в Киселевском лесу. Я приложила некоторые усилия, чтобы выяснить, где это. Сначала приехала на такси в Киселево, и вот

там, в магазине, и узнала, где именно ты живешь. Сказали – почти в самом лесу.

– Кажется, не так давно ты говорила, что в Киселеве у тебя жила подруга?

– Жила, но сейчас ее там нет. Но мне вполне хватило информации, полученной в магазине. Тебя там хорошо знают и, думаю, гордятся, что ты покупаешь у них макароны. – Она слабо улыбнулась.

– И ты думаешь, что со стороны это выглядит нормально?! Что я должен как-то оправдать твой поступок, войти в твое положение и... – Он вдруг остановился, подумав, что непоследователен в своем отношении к Нине. Раз уж он принял решение помочь ей, то хватит демонстрировать ей свое недоверие и прочие негативные чувства. – Ладно... Оставим это. Давай подумаем, как сделать так, чтобы на тебя не пало подозрение в убийстве. Ты пистолет, я надеюсь, оставила там, на месте преступления? – Он спросил об этом нарочно, чтобы узнать, насколько она склонна ко лжи.

– Нет. Я взяла его с собой. Он у меня в сумке, – чистосердечно призналась она. – Мало ли...

Герман подумал, что они разговаривают, как двое сумасшедших.

– Давай представим себе, что тебя ищут, как и твоего мужа. Рано или поздно тела убитых найдут. На даче Андрея. Но тебя-то нигде нет! Разве этот факт не вызовет подозрения у следователей прокуратуры, которые вскоре займутся

делом о двойном убийстве? Может, тебе стоит спокойно пожить дома и дожждаться, когда тебя допросят... Ты расскажешь, что муж уехал из дома такого-то числа, позавтракав, предположим, овсянкой, что вы были с ним в прекрасных отношениях. Друзья, надеюсь, это подтвердят?

– Да, подтвердят. Но я не такая дура, как ты думаешь! Там, на даче, я наверняка наследила. Конечно, я постаралась уничтожить следы на ручке двери и еще где-то, к чему я могла прикоснуться. Нет, я боюсь!

– Ты собираешься жить у меня всю оставшуюся жизнь?

– Нет. Я собираюсь сделать пластическую операцию, поменять фамилию и уехать за границу.

– У тебя есть на это деньги?

– Да, они у меня с собой, в сумке. Это деньги мужа. Он как раз собирался покупать какие-то компьютеры... Триста тысяч евро.

– Сколько?! Постой... – У Германа сердце в груди забухало так, словно ему сказали, что он выиграл миллион. – Но если у твоего мужа были такие деньги, да еще наличными, то почему же он не расплатился с Андреем?

– Вот и я тоже так подумала! Он решил сэкономить – на мне!

Он смотрел на нее и в который уже раз спрашивал себя – адекватна ли она? Все, что она рассказывала, не вызывало у него доверия. Однако пистолет он видел. Осталось выяснить, на самом ли деле у нее есть такие деньги.

– Ты так смотришь на меня, словно не веришь, что у меня на самом деле есть эти деньги... – Пробормотав это, Нина вскочила с места и бросилась в спальню, откуда вернулась уже с сумкой. Раскрыв ее, она продемонстрировала Герману пачки новеньких евро. Да что там говорить – сумка была просто набита деньгами!

– Может, ты ограбила кого-нибудь и похитила эти деньги? – Он снова ощутил легкую волну тошноты у самого горла, как это бывало с ним, когда он сильно нервничал.

– Разве можно украсть деньги у себя же?

– Ты – опасная, – сказал он то, о чем думал. – И вряд ли в твоём обществе я буду в состоянии писать музыку.

– А ты просто не обращай на меня внимания, вот и все.

– Может, ты спрячешься в моей московской квартире? – предложил он и тотчас пожалел о своих словах.

– Нет, здесь мне лучше. К тому же за постой ты можешь взять из моей сумки любую сумму. Разве ты еще не понял, что я боюсь тюрьмы?! Как любой нормальный человек! Поэтому я заплачу тебе сколько нужно, лишь бы ты принял мою сторону.

– Да у тебя и всех твоих денег не хватит на это. – Он покачал головой. – Ладно, спрячь их, и пойдем спать. Утро вечера мудренее.

– Тогда давай договоримся, что я с этой минуты беру все хозяйственные заботы на себя. Пожалуйста! А ты просто сиди за своим роялем и твори. Все! Я буду и убираться, и го-

товить, а утром ты покажешь мне, где хранятся лопаты, и я расчищу снег во дворе. Постараюсь стать совсем незаметной и хранить молчание. Когда поедешь в город, купишь мне ноутбук, свой я не могла взять. Вот я и буду в свободное от хозяйственных дел время сидеть в комнате и читать что-нибудь в Интернете. Или играть. Ну как?

– Идет, – согласился Герман, испытывая в душе странное чувство – дискомфорта и некоей приближающейся опасности. Однако одно он понял несомненно: ей не нужны от него деньги.

Он еще продолжал сидеть в каком-то оцепенении за столом, пока Нина мыла посуду, в миллионный раз спрашивая себя, правильно ли он делает, позволяя ей жить в этом доме, пока не понял, что остался в кухне один. Нина уже ушла, прихватив сумку с деньгами.

Что-то мешало ему спокойно выйти из кухни и лечь спать. Какая-то деталь разговора царапала память, раздражала. Пока он не вспомнил фразу Нины: *«Так ты же в интервью сам упомянул, что у тебя дом в киселевском лесу»*. Когда это он говорил, что живет в киселевском лесу? Он дал всего лишь одно интервью, и именно оно попало на глаза Нине. Но про киселевский лес там не было сказано ни слова! Это точно. Он быстрым шагом направился в гостиную, включил свет и нашел на книжной полке газету с интервью. Пробежал текст глазами. Ни слова про киселевский лес. Да иначе и быть не могло! Он же спрятался ото всех, так зачем же он указал бы,

где именно поселился? Мол, я спрятался от вас, но вы все равно знайте, где я, ведь где-то в глубине души я надеюсь, что вы начнете одолевать меня визитами... Какая глупость!

Или вот это: «Я приложила некоторые усилия, чтобы выяснить, где это. Сначала приехала на такси в Киселево, и вот там, в магазине, и узнала, где именно ты живешь. Сказали – почти в самом лесу».

Человек, совершивший двойное убийство, вместо того чтобы спрятаться куда-нибудь поглубже, пытается выяснить, где находится киселевский лес, словно это какое-то невероятно известное место! Да этого леса вообще никто не знает! Разве что местные. Живущие поблизости от него. Но она говорит, что в Киселеве жила ее подруга... Завралась девушка! Окончательно.

Но как вывести ее на чистую воду? Как разоблачить? Поехать в тот поселок, где произошло двойное убийство, и удостовериться, что там на самом деле нашли два трупа? Кажется, она сказала что-то про машину, которая там осталась, наверняка рядом с домом или где-то на территории дома, то есть дачи. *«Машина, наш белый «мерс», там осталась. Я еле-еле выбралась по сугробам на шоссе, остановила машину и поехала в город».* Вот так. Значит, надо искать белый «Мерседес».

Молодая авантюристка, пистолет, деньги, убийство – два убийства! – пластическая операция, фальшивый паспорт с придуманной новой фамилией... В какую же мерзость он

вляпался!

5

Вместо того чтобы сесть за рояль или почитать Бунина, Герман рано утром устроился за компьютером и набрал в поисковике всего лишь одну строчку: «Двойное убийство в поселке Солнечном». Сразу ударило по нервам: «В воскресенье в поселке Солнечный, территориально относящемся к Ленинскому району Оренбурга, совершено двойное убийство». Не сразу даже дошло, что это – в Оренбурге! А вот еще: «Двое молодых людей, совершивших двойное убийство, задержаны в Хабаровском крае... По такому-то федеральному округу, в квартире на улице Нагорной, в поселке Хурмули Солнечного района Хабаровского края, были обнаружены трупы хозяев...» И все в таком духе, но это не имело отношения к Подмосковию.

Тогда он набрал: «Двойное убийство в Подмосковье». На экране появилось: «Еще одно двойное убийство произошло в Серпуховском районе Подмосковья. Два человека стали жертвами убийц в Серпуховском районе Московской области...»; «В деревне Хитровка Каширского района Московской области совершено двойное убийство...»; «В Подмосковье предотвращено двойное убийство. Сотрудники управления по борьбе с оргпреступностью (УБОП) ГУВД Московской области задержали жительницу города Железнодорож-

ный, заказавшую убийство двух местных жителей...»

Герман не сразу понял, что все эти убийства были совершены в прошлом году!

Значит, трупы, интересовавшие его, пока что не нашли.

Он был уверен, что Нина еще спит. Поэтому удивился, услышав за окном какие-то звуки, причем весьма характерные – штрак-штрак: так чистят снег лопатой, штракающей по мерзлой земле.

Нина, в какой-то незнакомой ему курточке, которую она, вероятно, нашла в сарайчике, с разругавшимся лицом, растрепанная, но почему-то казавшаяся счастливой, расчищала дорожку от крыльца к воротам. Герман знал, какая это тяжелая работа. Это только с виду снег кажется таким легким, на самом деле даже он, мужчина, через полчаса подобной работы валился с ног от усталости. Конечно, он не спортсмен и крепким здоровьем никогда не отличался, но наблюдать из окна гостиной, как хрупкая девушка машет лопатой, он тоже не смог. А потому, набросив старую меховую куртку и надев рукавицы, Герман вышел из дома. В воздухе сладко пахло утренним мягким снегом с нотками женских духов (вероятно, это были остатки аромата «вчерашней жизни» Нины), слегка потягивало дымком из трубы – плоды утренних усилий Германа. Ему не хватало невидимого тепла, исходящего от водяных труб, хотелось видеть живой огонь в камине.

– Доброе утро, – сказал он, еще не зная, какое ему следует

сделать выражение лица в присутствии своей странной сожительницы или, скорее, постоялицы. Уж теперь-то гостьей ее точно нельзя было назвать.

– А... Вы? Доброе утро! – Яблочные щеки ее, казалось, готовы были треснуть от сока. Она была так прекрасна в эту минуту, что Герман на какое-то мгновение забыл, что видит перед собою убийцу. Больше того, он вдруг понял, что она могла бы с блеском сыграть роль Кати из бунинской «Митиной любви». Нежность в сочетании с лукавством, дерзостью и таинственностью. И красота, конечно, которой Герман просто не мог не восхититься.

– Да, это я. Думаю, поблизости, кроме меня, ты никого и не найдешь, – сказал он – просто так, чтобы что-то сказать. – Ты почему без перчаток?

– Не нашла, а свои жалко, – просто ответила она.

– Понятно. Вот, забирай мои. А вообще-то тебе, я думаю, уже хватит работать. Я сейчас возле ворот почищу, а ты иди домой. Кто-то обещал мне помочь с готовкой.

– Да-да, хорошо. Я иду, – улыбнулась она и торжественно вручила ему лопату. – Только скажи, что ты любишь на завтрак? Кашу? Кофе? Чай?

– Вообще-то я все люблю. Что приготовишь, то и съем.

– Хорошо, – она пожала плечами и пошла к крыльцу. И Герман вдруг ужаснулся своим мыслям – он позавидовал ей: она знает, что ей делать и как себя вести в этой жизни. Она, убийца! А он, композитор, до сих пор не может родить ни

единого такта. И получается, что он как бы напрасно живет и вообще попросту не может называть себя композитором. Даже дворникам живется, с психологической точки зрения, комфортнее, потому что они знают, что им делать, и делают это: расчищают снег зимой, убирают и жгут листья осенью, подметают дворы летом.

Он с каким-то остервенением принялся чистить дворик. Черпал снег большими порциями, а он, липкий, не падал с лопаты, и приходилось, сколько зачерпнешь, столько и откидывать в сторону.

Он представил себе, как приезжает в Москву, подписывает подогнанный под него, талантливый и замечательного композитора, договор, потом пьет шампанское вместе с заказчиком в предвкушении музыкального триумфа будущего фильма, а музыки-то у него в душе нет. Ни в сердце, ни в голове. Больше того, ему даже не хочется подходить к роялю. Страшно!

Живут же спокойно нормальные люди! Занимаются вполне конкретными, реальными делами — строят, шьют, что-то там мастерят, учат детей, лечат людей. А чем занимается он? Пытается сотворить из воздуха нечто такое, волшебное, что заставляет сердца многих людей биться сильнее и от чего они испытывают удивительное и ни с чем не сравнимое удовольствие. Музыка! Что это такое? Ее нельзя потрогать, как картину, которую написал маслом художник. С художником тоже все ясно. Всю свою фантазию, весь свой талант он выра-

жает в цвете и форме. Картину можно повесить на стену и любоваться ею. И она тоже вызывает определенные чувства и может даже вдохновить другого человека на какое-то творчество. А музыка? Если она не звучит в душе, то что же тогда записывать на нотную бумагу?

– Господи, – прошептал он, прижимая к груди лопату, – как хорошо, что меня никто не видит и не слышит и никто не догадывается о тех муках, которые я испытываю...

Он даже перекрестился в сердцах. И вернулся в дом. В кухне пахло кофе, и этот запах показался ему совсем не таким, каким он бывал, когда он сам варил кофе. К тому же он не мог вспомнить, когда ему вообще кто-то готовил кофе или тем более завтрак.

Нина как раз в ту минуту, когда он появился на кухне, начинала жарить гренки. Макала ломтики булки в яично-молочную смесь и укладывала их на сковородку с раскаленным маслом.

– А у тебя неплохо получается, – сказал он, снял куртку и решительным шагом направился в гостиную, где его поджидал рояль. Он сел за него, словно обреченный до конца жизни сидеть перед этой оскаленной зубастой пастью, провел пальцами по зубам-клавишам, вздохнул. Подумал, что должен же быть в мире какой-то порядок. Что раз Нина жарит гренки, то он должен сидеть за роялем и сочинять музыку.

Хотя... Стоп! А что ему конкретно сочинять, если он даже

еще не освежил в памяти повесть Бунина?

Но за рояль-то он уже сел. А потому принялся наигрывать попури из собственных сочинений. Сначала тихо, осторожно, словно пробуя на вкус звуки, потом – все более страстно прикасаясь к клавишам.

Герману казалось, что он играет уже долго, но и остановиться он не мог. Он словно хотел оправдаться перед самим собой за вынужденное бесплодие, доказывая, что еще недавно он мог придумывать красивые мелодии, и это были его собственные, им производимые звуки, значит, он может, может сочинять хорошую музыку, просто надо немного подождать, когда в душе созреет определенное настроение...

– Как красиво... – услышал он совсем рядом, повернул голову и обмер, увидев рядом с собой Нину. Она смотрела на него с искренним, как ему показалось, восхищением. – Какие чудесные мелодии! Прямо до мурашек...

И вдруг она, подняв плечи, вновь, как ночью, закрыла лицо руками. И что-то трагическое было в ее силуэте, во всем ее облике, в этом скрытом нежными ладонями лице.

Герман взял аккорд левой рукой, затем дважды повторил его, и правая рука его, словно независимо от него, тоже взяла несколько нот, затем мизинец достал высокую пронзительную ноту, облагородив фрагмент начала мелодии. Совершенно невероятное сочетание звуков! Он повторил тему, немного развил ее и почувствовал, как к голове его приливает кровь, как ему становится трудно дышать. Что это, све-

жий воздух? Запах кофе? Вид плачущей девушки-убийцы?

Молниеносным движением руки он схватил карандаш, набросал воспроизведенную им мелодию и неожиданно почувствовал щемящую боль в груди. Он даже застонал и тотчас застыдился нахлынувших на него чувств.

Что-то произошло в воздухе, приоткрылось что-то невероятного высокого, космического, впустив в душу Германа ожерелье из драгоценных звуков... Мелодию!

Мелодия была богатая, способная развиваться и разветвляться, переливаясь всеми оттенками минора, к тому же – он откуда-то это знал – запоминающаяся сразу же.

Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он извлек из рояля первые звуки, но, очнувшись, понял, что Нина так и стоит рядом с ним, и плечи ее подрагивают. Нетрудно было догадаться, что до нее, до этой давно повзрослевшей девочки, только сейчас начал доходить весь ужас того, что она сотворила. И что если поначалу ее обуревал страх перед тюрьмой, ее холодом и вонью, не говоря уже о леденящем ворохе неизбежных унижений, то сейчас, вполне возможно, она начинает испытывать страх другого рода – ужас от того факта, что она убила двоих людей. Лишила их жизни. Хладнокровно.

Легкое покалывание в кончиках пальцев свидетельствовало о том, что кровь его забурлила с новой силой и что эта новая сила наполнила не только сосуды, но и его душу. Он знал это свое состояние – какого-то необычайного обновле-

ния и радости, это предвкушение интересной большой работы. Мелодия, «скелет» которой он порывистым почерком набросал на нотной бумаге, продолжала жить в нем, разбухая и развиваясь, словно разливалась густейшими кровеносными сосудами побочных тем. Он уже слышал их, они уже жили в нем...

– Ну же, хватит, возьми себя в руки! – Какой же он сейчас был добрый! – Нина, давай позавтракаем, а потом уж вместе решим, как следует поступить, чтобы тебя не вычислили.

– Да, да, хорошо, – она отняла ладони от мокрого лица и покорно последовала за ним на кухню.

На столе он увидел тарелку с гренками и понял, что, оказывается, страшно проголодался.

– Выглядит очень аппетитно!

– Хорошо, что ты не считаешь калории, как некоторые. И вообще, ты нормальный, адекватный. Не то что Роман!

– Роман? – Герман посмотрел на нее с видом человека, которому показалось, что он ослышался. – Ты сказала – Роман?

– Ну да! Его зовут Роман.

– И кто же у нас Роман?

– Расслабься. Ешь гренки. – Она подбодрила его взглядом. – С ним-то все хорошо. Другое дело, что он остался теперь без квартиры. Но это уж его проблемы. И почему я должна делиться с ним своей собственной жилплощадью?!

– Ты лучше скажи – как мне реагировать на все то, что

ты мне только что сказала? Не обращать внимания или расспросить из вежливости? – Он вдруг (неожиданно для себя) принял решение вообще не обращать на нее внимания – до тех пор, пока ему не покажется, что время ее пребывания в его доме подошло к концу. Он еще и сам не знал, как он об этом узнает, но после всего произошедшего с ним у рояля у него появилась некая внутренняя уверенность: пока что он все делает правильно. Что же будет потом, никто же не знает.

– У тебя не получится совсем уж не обращать внимания, ты же должен знать, кто с тобой живет.

– Не со мной, а у меня, – поправил он ее, откусывая с хрустом кусочек поджаренного хлеба. – Но ты права. Я даже не знаю полностью твоего имени. Нина... А фамилия?

– Нина Воцинина, могу показать тебе паспорт.

– Покажи, – не растерялся он, решив не играть в данном случае в вежливость. Раз он оказал ей приют, то вправе заглянуть и в паспорт девушки-убийцы. Так, на всякий случай.

Нина кивнула, вышла из кухни и вернулась с паспортом.

Да, она на самом деле Нина Яковлевна Воцинина, двадцати пяти лет от роду, проживает в Москве на Трубной улице. С пропиской, таким образом, все в порядке. Вот только она не замужем! Во всяком случае, штамп регистрации брака отсутствует.

– Так ты не замужем была за своим Вадимом? Официально?

– Замужем, – со вздохом ответила она, уселась напротив

Германа со скучающим видом. – Просто паспорт потеряла, мне сделали новый, а штамп – зачем он мне? Лишняя суета.

– А квартира чья? Вадима? Или твоя?

– Наша общая, теперь она будет полностью моя, и я ни за что больше не свяжусь с мужчиной и уж тем более никогда не выйду замуж! Хочется покоя и свободы.

– А кто ты по образованию? Какая у тебя профессия?

– Я работала в школе, психологом. До недавнего времени.

– Как это?

– Когда все это произошло, я просто не вышла на работу.

Я же рассказывала!

– После того, как убила...

– Как убила свою мачеху.

Герман нахмурил брови:

– Нина, хватит валять дурака и разыгрывать меня! О какой мачехе ты говоришь?

– О своей мачехе, которую я убила позавчера.

– Ты в своем уме?!

– С мозгами у меня все в порядке, а вот Ритка просто помешалась на почве любви и ревности!

– Ритка?.. – У него уже голова шла кругом.

– Все очень просто. Мама моя умерла, давно, и отец женился на молодой женщине, Маргарите. Обычная история, ты не находишь? Не хочу рассказывать тебе, как я переживала. Я чуть с ума не сошла от горя! Но самым ужасным было то, что я тогда была прописана в бабушкиной квартире,

то есть на этой самой Трубной улице. Словом, после смерти моего отца в нашей квартире продолжала жить Маргарита, хотя по завещанию папина квартира принадлежит тоже мне, как и квартира на Трубной. Дело в том, что эта квартира, на Цветном бульваре, в свое время досталась моей маме от ее родителей, и Маргарита не имеет к ней никакого отношения. Однако не выселять же ее оттуда!

– Так ты жила на Цветном или на Трубной?

– Не поверишь, но я жила сразу в двух квартирах. Когда у меня отношения с Вадимом разлаживались, я шла ночевать к Маргарите, на Цветной бульвар. Она тогда еще не встретила Романа и вела себя тихо, как мышка, и вообще мы с ней ладили. Но я понимала, что долго так продолжаться не может, Маргарита – еще молодая женщина, она рано или поздно найдет себе кого-нибудь и, как я надеялась, переедет к своему новому мужу. Но все случилось совсем не так, как я хотела или планировала.

– Она привела своего приятеля в вашу квартиру? – усмехнулся Герман, не испытывая ровно никакого интереса к квартирным проблемам Нины. Правда, в голове его занозой засела фраза Нины, что позавчера она якобы убила свою мамеху.

– Именно. Она познакомилась с Романом, неким проходимцем, переехала к нему в однокомнатную квартиру в спальном районе, а сама стала сдавать мою каким-то людям! За две тысячи долларов в месяц!

– И даже с тобой не посоветовалась?

– Нет, она просто поставила меня перед фактом. К тому же она подарила этому своему Роману некоторые ценные вещи, принадлежавшие моему отцу, – коллекцию старинных часов, марок. И самое главное, она сильно изменилась, понимаешь? Сначала она была такой мышкой, как я уже сказала, со мной вежливо разговаривала, встречала меня с милой улыбкой, когда я приходила к ней, вернее – к себе домой! А тут вдруг... Откуда в ней появились эти ужимки, эта дерзость, грубость! Она сказала, что эта квартира теперь принадлежит им и все такое прочее.

– Все, спасибо за завтрак, гренки были очень вкусными. А теперь, Нина, извини, но мне не до твоих семейных проблем. Мне надо работать. И еще: совет. Хватит изводить меня своими сочинениями о каких-то убийствах. То ты мужа и его друга убила, то мачеху! Я понимаю, меня можно было разыграть один раз, к тому же ты показала мне пистолет, но теперь... Ты рассказываешь мне какие-то бредовые истории о своих многочисленных квартирах в центре Москвы, о мачехе... Ты в один день убила и мужа с его дружкой, и мачеху? Вот просто так взяла и убила?

– Нет, не в один день, конечно. Мужа и его друга я убила позже.

– По-моему, ты не в себе!

– Подожди. Твой рояль от тебя никуда не денется. Я просто хотела сказать, что если меня схватят, то ты ничего не

знаешь!

– Да я и так ничего не знаю. Но тебе, я думаю, нужна помощь психиатра.

– Ты просто не знаешь: они собирались убить меня! Я случайно подслушала их разговор. А хочешь, я покажу тебе пузырек с ядом, который Ритка дала Роману, чтобы он пригласил меня в кондитерскую и подлил яд в мой кофе?

Через пару минут на столе уже стояла склянка с темноватой жидкостью.

– Понятия не имею, как называется этот яд.

Герман затосковал. Он косился на Нину и понимал, что смотрит на нее уже не так, как прежде, что образ этой красивой девушки отравлен ее психическим нездоровьем. А это значит, что ей требуется помощь, но только не такая, какой она от него ждет, а совершенно другая. Ей нужен хороший доктор.

– Скажи, Нина, ты случайно не состоишь на учете у психиатра?

– Нет. Пока еще нет. Но я столько уже дел натворила, что, может, вскоре мне эта помощь – в смысле, психиатра – и потребуется.

Так захотелось позвонить Рубину и обо всем рассказать, что он стал глазами искать телефон. Сейчас, когда у него родилась мелодия и когда он так хотел работать, надо же было этой Нине придумать историю об убийстве своей мачехи!

– Ладно, забудь все, о чем я рассказала. Сейчас я прибе-

русь в кухне и пойду в свою комнату, не стану тебе мешать.

Нет? Каково! Пойду в «свою» комнату!

Но Герман и это проглотил. Он сидел за столом, допивая кофе, и думал о том, что надо срочно что-то предпринять, пока его самого здесь не пристрелили.

– Нина! – крикнул он неожиданно громко, так, что сам испугался своего голоса.

– Да? Ты почему кричишь? Я же здесь, стою рядом с тобой, посуду мою. Не пугай меня!

– Ты должна отдать мне свой пистолет и эту бутылочку... с ядом. Уж извини, подруга, но после всех твоих рассказов у меня мороз идет по коже. Вижу, что тебе убить человека – ничего не стоит. А вдруг ты и меня тоже захочешь кокнуть? Мало того, что я приютил тебя, так еще ты изводишь меня своими фантазиями! Признайся, ты про мачеху все придумала?

– Нет, не придумала, – ответила она серьезным тоном.

– Допустим, что ты убила и мачеху. За то, что она посмела сдать твою квартиру. И ты полагаешь, что это серьезный мотив для убийства и что я к этому нормально отнесусь?

– Я не знаю, как именно ты к этому отнесешься, но я сказала тебе правду.

– А ты не могла, скажем, промолчать, вместо того чтобы нервировать меня своими идиотскими признаниями?

– Могла, наверное. Но у меня очень беспокойно на душе, я переживаю, а поскольку мы с тобой живем вместе, с кем я

еще поделюсь такими вещами, как не с тобой?

– Понятно. Значит, так... Давай договоримся. Если тебе действительно нужно от кого-то спрятаться и я позволил тебе пожить у меня, то ты должна уважать меня, мои чувства и мой покой. Поэтому, если тебе и в следующий раз понадобится поделиться со мною своими впечатлениями об очередном совершенном тобою убийстве или тем более попытаться объяснить мне мотивы этих преступлений, я прошу тебя: избавь меня от этого! Мне надо работать, я тебе уже говорил.

– Хорошо-хорошо, я все поняла. Извини.

Она удалилась в «свою» спальню, а Герман, вконец расстроенный, взял телефон и вышел на крыльцо. Он даже не заметил холода, просто стоял, дышал свежим морозным воздухом и смотрел, как падает снег. Он даже и не падал, а летел – косо, густо, покрывая толстым слоем пространство вокруг дома, над которым трудилась все утро Нина. Удивительная девушка, с которой ему предстоит расстаться в самое ближайшее время. Не девушка, а какой-то дурман, наваждение!

Сумка, набитая деньгами. Оружие. Яд. Что со всем этим делать?

Стояла такая глубокая тишина, что Герману показалось, будто где-то там, наверху, медленно, со стоном дышит уставшее от холода и снега небо. И если в другие времена этого небесного дыхания не слышно из-за пения птиц, шелеста

листвы, звуков музыки, которая постоянно звучит в его доме, то сейчас, когда дом, казалось, уснул, а листва давно осыпалась и превратилась в слой промерзшего тлена, Герман, задрав голову, слышал, казалось, звуки самого воздуха...

Он оглянулся и взглянул на телефон. Что ему стоит набрать номер Рубина? Он так хорошо себе это представил, что словно и в самом деле услышал голос своего продюсера, его восклицание: ты что, старик, спятил? А потом, с нежным матерком, эмоционально, Лева страстно обрисовал бы Герману всю опасность пребывания в его доме незнакомой и явно сумасшедшей девушки. И оказался бы прав. Предположим, Герман согласился бы с ним и попросил бы Леву приехать сюда и увезти из его дома Нину. Что последует за этим? Рубин явится, скорее всего, не один, а прихватит своих друзей – фээсбэшников. И все частным образом, очень тихо, как-то разрешится. Нину увезут и, скорее всего, упекут в психушку. Это будет не так болезненно для Германа, если он точно уверится в том, что она на самом деле ненормальна. А если она здорова и убила всех этих людей, исходя из каких-то своих личных мотивов, о которых он, в сущности, ничего и не знает? Может, она вполне адекватна и совершила эти преступления потому, что у нее все наболело, накипело... Это у него самого, у Германа, жизнь идет более или менее упорядоченно, спокойно, он живет в полном комфорте и позволяет себе и такую роскошь, как одиночество и добровольное затворничество. То есть у него есть деньги, любимая

работа и возможность жить так, как ему хочется. И никто не отнимает у него жилье, не покушается на его честь и достоинство. Больше того, у него вообще все замечательно (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!), ему время от времени заказывают музыку к фильмам, он – уважаемый человек, у него много друзей... Можно продолжить этот перечень, только какой в том смысл? К тому же у него есть Рубин, человек, который всегда придет на помощь, умный и преданный, на которого всегда можно положиться.

Он снова сунул телефон в карман куртки. Снег уже ложился на землю крупными хлопьями, ему даже захотелось позвать Нину и обратить ее внимание на то, какими пышными слоями он устилает аккуратные дорожки, расчищенные утром.

Но – не позвал. Посчитал, что он и так делает для нее слишком многое, чтобы еще и общаться с ней запросто, словно между ними нет этой ее... странности, которая все портит.

А что, если взять и расспросить ее обо всем хорошенько? Поступить по-людски, выяснить, каким человеком была ее мачеха. И даже если Нина ее не убивала, а только представила себе, что убила ее, – дать ей возможность высказаться, излить душу. Может, она именно для того и приехала сюда, вернее, выбрала его в качестве своего друга, чтобы поговорить по душам, узнать наконец, мнение человека постороннего, получить как бы взгляд со стороны на все эти обстоя-

тельства?.. Безусловно, она жила среди каких-то людей, ее окружали друзья, приятели, родственники, соседи и просто знакомые, хорошо знавшие ее мачеху, мужа и друга мужа. И всем им казалось, что Нина находится с ними в хороших отношениях, и никто даже предположить не мог, насколько мерзко собирался поступить Вадим со своей женой и с какой легкостью ее мачеха распорядилась ее квартирой. Но – все равно! Почему она выбрала для душевных бесед именно его, совершенно незнакомого человека? Зачем ей было вычислять его? Какой во всем этом смысл?

Он вдруг почувствовал, как напряглось его горло, точнее, голосовые связки: он тихо выводил мелодию, но не ту, что родилась у него утром, а другую, полную боли и отчаяния. Голос тянул эту нежную и вместе с тем трудную для исполнения тему, а в голове его словно зазвучал оркестр. И такая оригинальная аранжировка, словно он где-то ее подслушал, у кого-то из великих. Но нет: это была ЕГО мелодия, и она отражала чувства и переживания девушки, которая сейчас лежала скорчившись (он будто видел ее) на кровати, поджав ноги и обхватив руками колени – раздавленная сознанием того, что она убила трех человек. Возможно, призраки этих убитых обступили ее кровать, смотрели на нее своими прозрачными глазами и звали ее к себе.

Музыка перестала звучать в его голове. Он стряхнул с куртки снег и вернулся в дом с чувством выполненного долга. Да, именно долга. Он же должен был – самому себе – ве-

ликое множество новых, свежих мелодий, идей! Две уже родились. Оставалось еще несколько сотен.

Он улыбнулся, радуясь тому, что силы возвращаются к нему.

Быстро прошел в гостиную, сел за рояль и записал мелодию на нотной бумаге. Он был счастлив. А еще – благодарен Нине за то, что она вдохновила его на создание этой музыки. Даже если мелодия не пригодится ему в работе над фильмом, он использует ее когда-нибудь потом, непременно.

Голова была ясной, настроение – очень странным, словно он выпил изрядное количество коньяку и теперь находился в предчувствии некоего невероятного счастья.

Хотя чему радоваться-то?!

Подбросив в камин поленья, он уселся в глубокое кресло, укрылся пледом и раскрыл томик Бунина.

«В Москве последний счастливый день Мити был девятого марта. Так, по крайней мере, казалось ему.

Они с Катей шли в двенадцатом часу утра вверх по Тверскому бульвару.

Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко... Высокие облака расходились тонким белым дымом, сливаясь с влажно синеющим небом. Вдали с благостной задумчивостью высился Пушкин, сиял Страстной монастырь. Но лучше всего было то, что Катя, в этот день особенно хорошенькая, вся дышала простосердечием и близостью, часто с детской доверчивостью брала Митю под руку и снизу за-

глядывала в лицо ему, счастливому даже как будто чуть-чуть высокомерно, шагавшему так широко, что она едва поспевала за ним...»

Так много сразу всего на него нахлынуло! Какие-то юношеские впечатления от московской весны, от раннего восприятия Бунина, от сладкого и головокружительного запаха молоденьких девушек, с которыми он целовался вот так же — по весне... Как же давно это было! И как все было чисто, нежно, какой восторг он испытывал от самой жизни! Ведь он и музыку тогда начал сочинять, и стихи.

Как жаль, что зима еще долго продлится, до весны еще далеко, будут еще морозы, и снега, и метели...

В каком-то порыве, словно это могло спасти его от неминуемых зимних холодов, он подкинул в огонь еще одно полено, оно зашипело, задымилось, уступая, однако, охватившему его жару. Скоро и оно займется пламенем, и в комнате станет еще теплее. Герман взглянул на дверь, ведущую в комнату, где страдала, как он понял недавно, Нина, вздохнул и перелистнул еще одну страницу книги.

6

Он и сам не ожидал от себя такого — на третьей странице его сморил сон. Отложив книгу, он устроился на диване, укрылся пледом и заснул. Ему снился Цветной бульвар, пустынный и заснеженный, где по аллее брела женщина в чер-

ном, и он знал откуда-то, что это – мачеха Нины, и он бежал за ней, чтобы расспросить ее: как же могло такое случиться, что она забрала не принадлежащую ей квартиру, ведь так поступать нельзя, это – грех по отношению к сироте. Но женщина все убыстряла темп, она шагала, не оглядываясь, потом побежала, и в какой-то миг он понял, что она уже бежит по воздуху, и вот – она летит, машет руками, как крыльями.

Он запыхался, преследуя ее, устал и остановился, чтобы перевести дух, и в этот момент где-то поблизости кто-то отворил окно, и в воздухе запахло чем-то вкусным, и запах этот был не ресторанный, какой мог возникнуть на Цветном бульваре, где располагается множество подобных заведений, а домашний, и он еще подумал, что кому-то повезло жить в этом красивом и спокойном (во сне) месте, он даже представил себе женщину, стоящую у плиты и помешивающую ложкой суп в кастрюльке...

Он открыл глаза и понял, что так вкусно пахнет в его доме. И что давно уже здесь ничем столь аппетитным не пахло. И еще одно странное чувство охватило его, когда он подумал вдруг, что когда-то, до него, здесь жил другой человек, построивший этот дом. Его друг, Дима, тоже, вероятно, мечтавший о том, чтобы здесь жила женщина. И он думал, что со временем у него образуется семья, появятся дети, все они станут собираться за круглым столом и Димина жена будет разливать по тарелкам борщ. Такая простенькая картинка, о которой втайне мечтают большинство нормальных мужчин.

Но мечте этой не суждено было сбыться.

И почему он вспомнил сейчас о Диме?

– Нина? – позвал он ее, чтобы очередной раз удостовериться: она – не призрак, а живая женщина и именно она приготовила что-то вкусное, чей аромат распространяется по всему дому.

Потом он понял, что она, вероятно, его не слышит, потому что из кухни доносились звуки работающего телевизора. Он и сам всегда включал телевизор, готовя еду или просто находясь в кухне. Телевизор – это фон, это звуки внешней, далекой жизни, которую он оставил, чтобы пожить в тишине. Вот такой парадокс.

Судя по тому, что полено, которое он недавно подложил в камин, еще полыхало, проспал он не так уж и долго. Он подбросил в огонь еще пару толстых крепких поленьев и, размявшись немного, отправился в кухню.

Нина, какая-то присмирившая, тихая, как и ее кроткое имя, поджаривала на сковороде котлеты.

– А... Привет! Я нашла мясорубку и разморозила мясо. Ты котлеты любишь? – Улыбка ее была грустной. Как у человека, который из всех сил старается не подавать виду, что его мучает печаль или тоска.

– Да, очень люблю.

– Тогда садись обедать. Суп твой доедим, ты не против?

– Нет.

Она ухаживала за ним так, словно была его девушкой.

Нежно, разве что не целовала его в макушку. И ему было так приятно, что он заставил себя хотя бы на время обеда забыть о том, насколько эта девушка необычна.

– Ты любишь смотреть телевизор? – спросил он.

– Да, я вообще люблю телевидение, кино, театр. Но в основном – фильмы. Могу часами, сутками валяться на диване перед телевизором, и мне это не надоедает. Вот такая я.

– А друзья у тебя есть?

– Конечно, есть.

– И никто не знает, что ты здесь?

– Нет. Зачем бы я так подставила тебя?

– Но тебя ведь ищут, должно быть.

– Кто-то, может, и ищет, но это не смертельно. Главное, что меня не найдут. Ведь никому в голову не придет искать меня в лесу, в домике композитора Родионова! Тем более что у нас нет общих знакомых, нас никто и никогда не видел вместе. Да и к тебе, я вижу, никто не приезжает.

– Ко мне может приехать мой продюсер, Рубин. А вместе с ним вполне способен заявиться и режиссер фильма, к которому мне предложили написать музыку.

– Я спрячусь. Хоть в кладовку, и буду сидеть там тихо, как мышка. Обещаю!

– Послушай... – Он смотрел, как она убирает пустую тарелку из-под супа и ставит перед ним чистую, предлагая ему попробовать горячих котлет. – А тебе не приходило в голову, что у меня может быть женщина?

– Ты же ясно сказал в своем интервью, что живешь один, что тебе просто необходимо побыть одному. И никакой пассивности у тебя нет.

Вот в этом она не солгала. Он действительно так сказал. И это было его ошибкой. В случае, если он видит перед собой элементарную поклонницу, фанатку, такое его высказывание могло лишь раздражить эту молодую эмоциональную публику. Мол, я один, приезжайте, девочки!

Котлеты были восхитительными!

– Нина, ты прекрасно готовишь. Пожалуй, я взял бы тебя к себе поварихой.

– Да ты меня уже взял, – заметила она. – Но я рада, что тебе понравилось. Знаешь, я еще хорошо пеку пироги. И знаю великое множество различных рецептов. Другое дело, что ты можешь не захотеть набирать столько калорий. А если все же захочешь – получишь море удовольствия.

Он слушал ее, смотрел на нее и понимал, что она нравится ему все больше и больше. Отчего-то ему захотелось ее обнять. Потом появилась абсолютно шальная мысль – усадить ее к себе на колени и поцеловать. Как-то успокоить. Наговорить ей на ухо разных милых слов, подбодрить ее, сказать, что мачеха ее – просто опасная наглая тетка и это ничего, что Нина ее уколошила. Но, с другой стороны, она же убила женщину!

– Скажи, где... труп твоей мачехи?

– На той квартире, где она жила вместе со своим хахалем.

– А фамилия ее?

– Она взяла фамилию моего отца, выйдя за него замуж, поэтому ее фамилия – Вощинина, как и у меня.

– Зовут ее как?

– Ну у тебя и память! Маргарита.

– Но разве твоя фамилия тебе досталась не от мужа?

– Нет, я оставила девичью, вступив с Вадимом в брак.

– А как его фамилия?

– Борисов.

Герман мысленно уже звонил Рубину с просьбой выяснить: кто они все такие и что слышно о Маргарите Вощининой и Вадиме Борисове? И где, при каких обстоятельствах обнаружили их трупы? Интересной, наверное, была бы реакция Льва на подобную просьбу! Он непременно спросил бы: и в какое такое дерьмо ты, друг мой, вляпался?

– Знаешь, здесь так хорошо, – сказала Нина, разливая чай по чашкам. – Тихо, спокойно, и мне тут так... уютно. Вот только снег. Его так много, завалил все вокруг! Сад, дорожки, замел ворота, я не говорю уже о гараже. Здорово, что ты такой запасливый. Я заглянула в кладовку – там много разных консервов. Это уже хорошо. Хотя бы с голоду не умрем. А то представляешь: у нас целая куча денег, но нет еды! А как здесь с водой?

– Вообще-то, может, ты заметила, в кладовке стоят баллоны с покупной водой и с родниковой. Еще здесь есть колодец, но я редко пользуюсь водой из него.

– А куры? – Она посмотрела на Германа как-то странно, и он вдруг вспомнил, что забыл отпереть курятник и не покормил их! Он так увлекся своими размышлениями о том, опасно ли жить под одной крышей с убийцей, что позабыл о своих курочках.

– Нина... Я забыл!

Он вскочил, чтобы тотчас броситься вон из дома, в курятник, но Нина его остановила:

– Не переживай. Я надела твои валенки, взяла чайник с теплой водой и пошла, проваливаясь в снег по самые уши, в курятник. Еле-еле открыла калитку, потом расчистила немного снег под дверью, вошла туда. Знаешь, они все живы, в курятнике не так уж и холодно. Я налила им теплой воды, подсыпала кукурузы, зерна, семечек. Еще покрошила вчерашний хлеб. Думаю, у них все хорошо. И, конечно, я их не выпустила на мороз.

– Нина, ты умница!

– Да просто я понимаю твое состояние. Ты выбит из привычной колеи, из привычного ритма жизни. И в голове твоей вертятся совершенно другие мысли. Ведь ты же никак не можешь успокоиться из-за меня! У тебя уже крыша едет оттого, что ты никак не можешь решить – оставить меня в своем доме или отправить в психушку? Но теперь-то тебе уже просто придется терпеть мое присутствие – смотри, какой снегопад начался! Мы теперь окажемся надолго заперты здесь. Вдвоем.

Герман бросил взгляд в окно, и до него только сейчас начало доходить, что они действительно отрезаны от всего мира. Что его заветное желание – отгородиться от людей – только сейчас приобрело свой истинный смысл: снег засыпал не только сад и участок перед домом и курятником, гаражом и воротами, он завалил и лесную дорогу, соединявшуюся с основной московской трассой. И кто знает, когда еще ее расчистят киселевские трактора?

– Спасибо за обед, все было очень вкусно, – сказал он. – Хочешь послушать музыку?

– Твою?

– Нет. Вебера, к примеру, слышала о таком композиторе?

– Слышала. Я же не в дремучем лесу жила... вроде тебя! – Она усмехнулась. – Он же рок-оперы пишет. «Иисус Христос – суперзвезда», например.

– Еще?

– Ну... «Кошки», кажется. Мне ужасно нравится музыка из этого мюзикла. Да и вообще забавный сюжет. Думаю, «Призрака Оперы» тоже он написал?

– Все правильно.

– А у тебя есть записи Сары Брайтман?

– Конечно, есть!

– Вот ее бы я с удовольствием послушала. Как и Лару Фабиан.

– Хорошо. В такую погоду только музыку и слушать. Смотреть в окно, как падает снег, и слушать, слушать...

– Я только посуду помою.

Она производила впечатление очень аккуратной девушки.

Герман нашел диски с мелодиями Сары Брайтман, и вскоре по дому поплыл ее божественный голос. Расположившись в своем любимом кресле перед пылающим камином, Герман, слушая музыку, поджидал Нину. И, хотя он знал ее меньше суток, отчего-то так жалел ее, так понимал, и эта музыка словно бы подталкивала его к тому, чтобы он оправдал все совершенные ею убийства. Больше того, музыка творила нечто невообразимое – Нина представлялась ему героиней какого-то психологического триллера. И он подумал, что, если бы Лева Рубин – продюсер, надо сказать, универсальный, – заинтересовался подобным сюжетом, то наверняка он поручил бы какому-нибудь хорошему автору написать сценарий, а потом снять фильм, который назывался бы, к примеру: «Снег. Мелодия убийства». Или: «Январь. Кровавый шлягер». Словом, что-то зимнее, холодное, интригующее и непременно связанное с убийствами.

Вот что такое берущая за душу музыка, да еще и в исполнении столь гениальной певицы, как Сара Брайтман! Кто знает, может, и историю мальчика Мити и его любви, так трагически закончившуюся, он сам, Герман Родионов, сможет нанизать на не менее гениальные мелодии, и, слушая их, люди будут рыдать... Он закрыл глаза и увидел себя в кинозале. Так бывало с ним всегда, когда он только приступал к работе над музыкой к фильму (промелькнула мысль, что кон-

тракт-то еще не подписан, может, все еще изменится, и ему не придется сочинять музыку именно к этому фильму). И как теперь вообще подписать этот контракт, раз их засыпало снегом и отрезало от всего мира?

И тут он, вспомнив, что за него это может сделать Лева, бросился к компьютеру, включил его и очень обрадовался, выяснив, что Интернет, несмотря на снегопад, действует. И есть письмо от Левы! Как получается, что, стоит только Герману о нем подумать, и Лев – тут как тут. Удивительный человек этот Рубин!

«Герман, привет. Нас тут завалило снегом. Синоптики не советуют вообще выходить без нужды из дома. Однако я вчера ночью пил с Коровиным и, несмотря на легкое подпитие, все же умудрился договориться с ним о том, что подпись на контракте будет моя. Высылаю тебе проект контракта, ознакомься, дружище, и напиши, с какими пунктами ты не согласен. Но скажу тебе на ухо, что контракт – прекрасный, и ты, прочтя его, готов будешь подписаться под каждым его пунктом! Жду ответа. Постарайся выдержать эту пургу... Могу себе представить, каково тебе сейчас там, в заснеженном лесу, одному... Был бы ты умным мужиком, прихватил бы с собой бабу. Ладно, все. Читай контракт. Жду ответа. Твой Лева».

Герман застрочил ответ, даже не взглянув на текст договора:

«Лева, спасибо! Сейчас почитаю контракт. Но у меня к

тебе одно дело. Прошу тебя, об этом – молчок. Словом, я познакомился с одной женщиной. Ее зовут Нина Вошинина. Живет на Трубной улице. Пожалуйста, свяжись сам знаешь с кем, наведи справки. Думаю, она – моя поклонница, но я должен знать о ней все – замужем ли она, с кем живет, есть ли у нее дети и все такое...»

Когда он писал, постоянно оглядывался – боялся, что за его спиной вдруг возникнет Нина. (С ножом в руке! Ха-ха.)

Рубин ответил моментально, по скайпу:

«Втюрился, что ли?»

«Можно и так сказать».

«Я рад за тебя. Все сделаю. Смотри не подкачай!»

«Я отключаюсь».

«Ок».

Захлопнув крышку ноутбука, Герман услышал громкое биение собственного сердца. Так разволновался. Словно он совершил по отношению к Нине предательство.

Она же, тактично переждав опасный момент, на редкость вовремя появилась в гостиной. Села рядом с Германом в соседнее кресло и уже знакомым жестом закрыла лицо руками.

Он понял, что сейчас последует очередное признание. И оно не заставило себя долго ждать.

– Боже, какая музыка... Да от такой музыки сердце может остановиться! От счастья.

– От счастья?

– Да, от счастья жизни, понимаешь? Как же хорошо, когда

ты жив и здоров, и за окном – такая метель... Ты видел, что там творится?

– Нет, – Герман бросил взгляд в окно, но не увидел ничего. Встал, подошел, раздвинул кружевные занавески и понял, что на улице метель, стекла практически залеплены снегом.

– А если нас засыплет с головой и мы не сможем дышать? – спросила Нина.

– Не засыплет. У нас же камин, труба... Нет, это исключено. Нина, у меня такое чувство, будто ты хочешь что-то мне сказать.

– Да нет. Не то чтобы сказать... Просто я хотела поделиться с тобой своими мыслями и узнать, что ты думаешь по этому поводу.

– Ну, давай, говори.

– Тебе не кажется, что у нее голос, как у ангела?

– Кажется.

– Знаешь, в такие минуты, как мне кажется, каждый человек думает о чем-либо высоком... Хорошо, я расскажу тебе кое-что. Понимаешь, в жизни очень много зла. Ты согласен?

– К сожалению, это так.

– Но некоторые люди живут, ничего такого не замечая. И не потому, что они не желают видеть это зло, нет, просто оно как бы обходит их стороной. Это счастливые люди! И им просто повезло. Скажи, когда ты жил в Москве, у тебя были знакомые или родные, у которых случилась бы какая-нибудь трагедия? И повлияло ли это как-то на тебя, на твоё творче-

ство?

Поскольку он не смог быстро вспомнить ничего такого, что подошло бы к этой теме, он подумал о Леве Рубине, о том, что Лев каждый вечер слушает, как за стенкой его квартиры дочь измывается над прикованной к инвалидному креслу матерью, и сердце Рубина разрывается от жалости к этой несчастной старушке, но он ничего не делает для того, чтобы изменить положение дел.

– Пожалуй, нет, – ответил он, считая, что не вправе пересказывать Нине чужую историю. – Это значит, что я – счастливый человек?

– Конечно! Хотя, может, ты просто сейчас не можешь ничего такого вспомнить. Когда-нибудь ты непременно припомнишь какую-нибудь историю, не оставившую тебя равнодушным, и подумаешь обо мне, о моих словах.

– Может, у тебя гипертрофированное, обостренное чувство восприятия всего негативного? И вызвано это определенными жизненными обстоятельствами? Потому и грубую шутку своего мужа ты приняла так близко к сердцу, а потом еще и этот поступок твоей мачехи...

Вдруг ее лицо на мгновение просветлело, она явно собралась что-то сказать, признаться ему в чем-то еще, но, вероятно, тут же передумала. Просто вздохнула судорожно и закашлялась, словно подавившись невысказанными словами.

– Знаешь, я бы, может, и не поверил тебе, если бы не пистолет, который ты мне показала, и деньги. Надеюсь, они на-

стоящие? Вернее, мне хотелось бы, конечно, чтобы все это было розыгрышем, – признался он.

– Да разве такими вещами шутят? И пистолет настоящий, и деньги. Не расстраивайся так! Это же не ты совершил убийство, а я, я, понимаешь? И это мои грехи. А ты только помогаешь мне. К тому же, если вдруг меня все-таки вычислят и найдут, ты просто скажешь, что и понятия ни о чем не имел. Мол, мы познакомились с тобою самым обыкновенным образом, я сказала тебе, что я – твоя поклонница, влюблена в тебя, тем более что это чистая правда. Неужели ты думаешь, что я обратилась бы к тебе за помощью, если бы не была в тебя влюблена?!

– Нина! Ты не перестаешь меня удивлять!

– По-моему, ты и так должен был это почувствовать. Огромное количество женщин влюблены в тебя! Разве у тебя нет своего сайта, где женщины не признавались бы тебе в любви?

Сайт у Германа был. Только занимался им нанятый Рубиним человек, следивший за тем, чтобы все было в порядке и сайт не засорялся письмами сумасшедших влюбленных текток. Понятное дело, не обходилось и без рекламы – оттуда можно было бесплатно скачивать отрывки с последних дисков, а также заказать и сами диски.

– Я понимаю, что кому-то может понравиться моя музыка. – Герман почувствовал, что краснеет. – Но я...

– Брось, ты прекрасно знаешь, что нравишься женщинам.

Ты красивый, даже очень! И чем-то похож на Джереми Айронса. Что-то в тебе есть такое... сексуальное. К тому же ты очень талантлив, и твоя музыка отражает состояние твоей души. Музыка у тебя светлая, грустная, я бы даже сказала, гениальная! Я могла бы целыми днями слушать ее.

– Если бы ты любила меня, – пробормотал он, заметно нервничая и смущаясь, – то не стала бы так меня подставлять.

– Прости. Ты же понимаешь, что рано или поздно я оставлю тебя, уйду. Мне нужно только одно: чтобы люди, занятые поисками преступника – меня, закрыли бы свои дела и расписались в своем полном бессилии.

– Но это же невозможно!

– Почему?

– Да потому, что ты тоже исчезла – просто как жена твоего мужа, Вадима! И тебя тоже ищут, только, скорее всего, как жертву. И когда же ты собираешься вернуться в свою прежнюю жизнь? Когда? И как, каким образом?! Может, все-таки тебе стоит вернуться уже сейчас и сказать, что ты пришла в себя где-то на дороге? Назови какое-нибудь место неподалеку от того места, где ты расправилась со своим мужем и его приятелем. Опиши злодея, якобы гнавшегося за тобой. Спрячь пистолет куда-нибудь подальше и поглубже. И тогда ты окажешься вне всяких подозрений.

– Да? А как же моя мачеха? Получится, что все вокруг меня погибают. А я – жива! Нет, я боюсь.

– Но ты же убила их не просто для того, чтобы стереть с лица земли, наверное, ты хотела как-то облегчить себе жизнь, избавиться от тех, кто тебе мешал, разве не так?

– Нет. Я просто приговорила их, понимаешь? Я не допустила того, чтобы меня изнасиловали, предали! И не позволила кому-то забрать мою квартиру!

– Значит, ты действительно собираешься сделать пластическую операцию и поменять паспорт?! Думаешь, у тебя получится?

– Если ты мне поможешь – да.

– Но как?!

– Тебе почти ничего не понадобится делать. Сначала надо переждать какое-то время, а потом ты отвезешь меня к одному хирургу. Я тебе скажу, куда именно.

– У тебя есть знакомые «пластики»? Может, ты уже когда-то меняла свою внешность?!

– Нет. Такими глупостями, если бы мне не приспичило, я бы никогда не стала заниматься. Я вполне довольна своей внешностью. Но когда речь идет о жизни, о безопасности... Герман, я просто жить хочу!

– Ладно, хватит об этом. Я уже пожалел, что вновь завел разговор на эту тему. Давай лучше музыку послушаем.

Она внезапно улыбнулась и, поцеловав его – быстро, мимолетно, в щеку, замерла в своем кресле, уставившись на пляшущий огонь в камине.

Так случилось, что они больше трех часов проспали – каждый в своей комнате. Метель расслабила их. Закрывать кур и задать им вечернюю порцию корма они отправились вдвоем. Надев валенки, проваливаясь по пояс в сугробы, они добрались до курятника.

Снег все валил и валил, забивался в волосы и шапки, залеплял глаза.

– Хорошо, что я не покрашена! Вообще-то, – кричала она, пытаясь перебороть завывание ветра и прикрываясь рукой от снега, – я всегда крашусь! А здесь, у тебя, веду себя как дома!

В курятнике было тихо и относительно тепло. Куры сидели на своих насестах и с удивлением смотрели на рассыпанный для них корм.

– Похоже, они сыты. Можно было и не приходить, – сказал Герман.

– Ты такой смешной! Кур завел. А вон тот сарайчик... там ты коз собираешься держать?

– Почему именно коз?

– Не знаю. У них молоко полезное.

– Нет, я никого там не собираюсь держать. И в сарай этот не хожу.

– Почему?

– Неприятные воспоминания.

– Зачем ты тогда его построил?

– Это не я построил.

– А кто же?

– Бывший хозяин.

– Он тоже был любителем пожить самостоятельно, в отделении от благ цивилизации?

– Да.

– И где же он?

– Много будешь знать – скоро состаришься.

Герману вдруг стало нехорошо. *«Понимаешь, в жизни очень много зла. Но некоторые люди живут, ничего такого не замечая. И не потому, что они не желают видеть это зло, нет, просто оно как бы обходит их стороной. Это счастливые люди! Скажи, когда ты жил в Москве, у тебя были знакомые или родные, у которых случилась бы какая-нибудь трагедия?»*

Как же он мог забыть об этом?!

Но признаваться этой чужой ему девушке о том, что он пережил здесь, в нескольких шагах отсюда, он не хотел. Все это было слишком личным. Да и какое ей дело до его душевных переживаний? Ведь она расспрашивала его исключительно для того, чтобы оправдаться перед ним, объяснить, как она могла дойти до убийства! И вообще, не проявление ли это ее грубейшего эгоизма?

Вернулись они в дом все в снегу, мокрые насквозь. При-

шлось переодеваться, приводить себя в порядок.

– А я так хорошо поспала, – сказала Нина, вытирая мокрое лицо полотенцем. – И никакие кошмары меня не мучили. Просто отключилась. Может, это снег отрезал меня от прошлого?

– Может, – грубовато ответил Герман. Он уже понял, что день прошел бездарно, он практически не поработал. – Знаешь, мы ведем себя, как животные. Едим, спим и все.

– Думаешь, если бы ты был один, ты бы активно работал в такую погоду? Не верю! У тебя мелодии такие солнечные.

– Неправда.

– Правда. И вообще, если организм просит еды или сна, значит, ему надо помочь в этом. Во время сна человек копит силы. Герман, зачем я успокаиваю тебя? Ты гораздо старше меня и сам все знаешь. Ладно, может, ты и не собираешься ужинать, но я все равно пойду и что-нибудь приготовлю.

Услышав ее последние слова, он устыдился того, что при одном упоминании слова «ужин» ему захотелось есть.

Нина осталась в кухне, Герман же, развернув кресло к двери, устроился таким образом, чтобы Нина случайно не увидела его переписку с Рубиным, и открыл ноутбук.

Один вид посыпавшихся на экран сообщений Рубина, едва Герман открыл skype, его взбодрил. Заинтриговал.

«Нина Яковлевна Воцинина, 1985 г.р., не замужем, проживала одна по адресу: ул. Трубная...»

«Профессиональный психолог. Работала в школе психо-

ЛОГОМ».

«Высылаю тебе ее фотографию».

На фотографии – совершенно другое лицо.

«Лева, почему – работала? А где она сейчас трудится?» –
запросил Герман.

Лева оказался онлайн.

«Да нигде она не может работать! Она покончила с собою
в прошлом году, в июне. Выбросилась из окна. Или же ей
кто-то помог».

«Лева?!»

Герман почувствовал, как на макушке у него произошло
какое-то движение, а все тело покрылось мурашками. Даже
зубы застучали от страха.

«Получается, что у меня в доме находится девушка с чу-
жим паспортом?! Фотография, как я понимаю, не ее. У нее
совсем другая внешность! Лева!»

«Гера, я могу организовать приезд тракторов, снегоочи-
стительных машин, и мы вызволим тебя из плена. И подруж-
ку твою случайную посадим в каталажку».

«Нет, пока что ничего не надо. К тому же снег идет. Когда
перестанет...»

«Она могла быть родственницей самоубийцы или просто
украли паспорт этой Нины».

«Я сразу понял, что она – не Нина! Понимаешь, у всех
Нин, которых я знал, не такой характер, не такая личность.
Нина – это кротость, мягкость, понимаешь? А она – авантю-

ристка, но очень красивая, какая-то странная, и у нее есть пистолет. Лева, пожалуйста, никому ни слова! Я не хочу, чтобы кто-то узнал, как я лоханулся».

«Не переживай. Ты договор прочитал?»

«Нет еще».

«Читай и начинай работать. Смотри, чтобы мы не упустили эту возможность! Коровин долго ждать не будет».

«Хорошо. Пока, до связи».

В гостиную вошла Нина.

– Работаешь? – скучным голосом спросила она.

– Работаю.

– Я ужин приготовила. Макароны с сыром. Любишь?

Герман вдруг почувствовал, как его заколотило. Как же это, подумал он, мало того, что она так откровенно призналась ему в совершенных ею убийствах, так теперь еще и оказалось, что она обманула его, назвавшись Ниной Вошениной! Какой во всем этом смысл?! К тому же настоящая Нина Вошенина умерла! В июне...

Задавать ей вопросы сейчас, когда она ни о чем не подозревает, бессмысленно. И просто опасно. Ведь он ясно сказал ей, что она должна отдать ему пистолет и яд. Сказал, но не довел дело до конца, ничего не взял. Не отобрал. Поговорили, на том и разошлись.

Нет, в таких условиях он просто не сможет работать. И это просто чудо какое-то, что ему за сутки удалось придумать целых две мелодии!

– Герман! Ты слышишь меня?

– Макароны с сыром. Да, слышу.

И когда же спросить у нее о пистолете? Может, просто войти в ее комнату и забрать его, от греха подальше?

– Мне нужно рассказать тебе кое-что, – сказала Нина уже за столом. Она аккуратно разложила приборы, салфетки, придвинула Герману тарелку, полную макарон.

– Еще одна история убийства?

– Ты не понимаешь. Убийство – это способ очистить общество от зла. А если бы я, к примеру, не была такой, какая я есть, а более слабой, и позволила бы этим двум негодьям надругаться надо мной? Сначала бы меня изнасиловал Андрей, а потом, что уж там, и муж. Или ты думаешь, что насилие со стороны мужа не считается таковым?

– Я вообще ничего по этому поводу не думаю, – ответил Герман, с трудом удержавшись от признания, что он все знает. Знает, что ее зовут не Нина, что она показала ему за чем-то паспорт убитой Нины Вошиной.

– И напрасно. Ну послушай меня, пожалуйста! Ведь случаются разные истории, и девушки в них, как правило, оказываются жертвами. И к насилию все относится по-разному. Я знаю много случаев, когда... Вернее, не так. Не много, но я просто знаю случаи, когда женщину изнасиловали, и она, переболев пару дней, постепенно приходит в себя, понимаешь? Помучается, но – переживет как-то и постепенно все забудет. Кто-то расскажет об этом мужу, а кто-то – нет. Все

зависит от характера женщины. Так вот. А есть и такие, кто не выдерживает этого, накладывает на себя руки. Это, как правило, женщины с тонкой, ранимой душой.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Затем, что мне важно знать твое отношение к этому. Вот я рассказала тебе о муже и его приятеле и чувствую, до тебя не дошло, насколько унижительно это было для женщины! То есть для меня. Я же не вещь, чтобы мною можно было расплатиться! Ты только вдумайся, что там произошло...

– Нина, ты утомила меня, если честно, этими разговорами. Я понимаю, тебе надо выговориться, ты хочешь получить от меня поддержку и понимание, если не отпущение грехов. Но я – обычный человек и считаю, что убийство – это тяжкий, смертный грех, и только Господь может отнять у человека жизнь.

– А если один человек отнял жизнь у другого, то почему бы не наказать этого человека? Почему нельзя ему отомстить? И почему убийца должен спокойно жить на свете и пользоваться теми благами, которые нажила, как получается, для него его жертва?

– Да потому, что отмщение – тоже убийство, такой же грех, и, значит, люди так и будут продолжать убивать друг друга.

– Хорошо, а доведение до самоубийства?

– Это очень трудно доказать.

– Но если бы я, повторяю, оказалась женщиной с более

тонкой и ранимой душой и не вынесла бы изнасилования, выбросилась бы из окна, и мой насильник, то есть муж, продолжал бы спокойно жить, заводить любовниц, покупать и продавать компьютеры, всячески наслаждаться жизнью в то время, как я гнила бы в земле, – это разве было бы правильно?

– Нина!!! – крикнул Герман и тотчас вспомнил, что девушку зовут не Нина. И что вообще с ней надо быть поаккуратнее. Особенно пока они заперты вдвоем в этом доме и неизвестно, когда выберутся отсюда.

– Что – Нина? Неаппетитную я картинку нарисовала? – усмехнулась она.

– У меня очень хорошо развито воображение.

– И ты представил меня... в земле?

– Прошу тебя, избавь меня от этих ужасов... и подробностей. И вообще, мне надо работать! Мне же прислали контракт, а я до сих пор его не прочитал.

Жизнь продолжается, сказал он сам себе и поднялся из-за стола, даже не выпив чаю.

– Спасибо за ужин.

– На здоровье, – ответила она обиженно.

Только впервые оказавшись в этом маленьком доме (как ему представлялось, предназначенном для одного человека), Герман вскоре после совершения сделки пожалел о том, что у него нет собственного кабинета. Не говоря уже о студии. Он занимался своими делами, сочинял, спал, слушал музы-

ку и отдыхал в гостиной. И, пока он был один, все это, в общем-то, особого значения не имело. А теперь его комната оказалась в полном распоряжении совершенно посторонней девушки.

Постарайся не обращать на нее внимания, старик, так сказал бы Рубин, если бы Герман спросил его, что ему делать дальше, как работать. Он и в самом деле часто представлял себе, как обращается к Леве с каким-нибудь вопросом, и без труда находил ответ, словно Рубин был где-то поблизости, чуть ли не сидел в его голове. Почему именно Рубин? Да потому, что они были совершенно разными, поэтому отлично ладили и в какой-то мере даже любили друг друга – по-человечески.

Герман открыл ноутбук и принялся изучать контракт. Как он и предполагал, контракт был сделан под него, то есть под композитора, в котором были заинтересованы люди, собиравшиеся вложить в этот проект деньги. На режиссера фильма продюсеры и банкиры возлагали большие надежды. На самом деле хорошая, узнаваемая в будущем музыка обогатит и сценарий, и режиссуру. Только с такими мыслями можно приниматься за работу.

Он отправил Рубину письмо, в котором сообщил, что готов подписать контракт, вернее, что он доверяет Леве сделать это за него, как они проделывали это уже неоднократно. Сразу же пришло сообщение:
«Как ты? Как настроение?»

«Нормально. Поужинали. Сейчас сяду за рояль».

«Старик, будь осторожен».

Затем последовало несколько строк, пересыпанных матерком, мол, и как это его, Германа, угораздило вляпаться в подобную историю?!

Герман отправил ему смайлик – плачущую рожицу. Рубин ответил, послав картинку – фужер с коктейлем, мол, выпей и успокойся.

Хорошо тебе, подумал Герман. Как тут спать, например, ляжешь под одной крышей с убийцей! И сразу же вспомнил о соседях Рубина.

«Как соседка твоя, старушку-мать еще не убила?»

Рубин долго молчал. Потом от него пришло:

«Уже сутки ничего не слышно».

Герману стало как-то нехорошо. Он вспомнил их разговор, когда Герман спросил Льва – почему же он до сих пор не вычислил эту квартиру, «не поговорил с этой бабой, не вызвал милицию, наконец? Или записал бы весь этот шум и оскорбления на диктофон». На что Рубин искренне ответил: «Когда-нибудь я это непременно сделаю, да, сделаю. И я бы сделал, да только чувствую, что окунуться в такую человеческую вонь, в такую помойку! Я имею в виду отношения между этими бабами. А мне сейчас нельзя погружаться в негатив». Что-то в этом роде Лева тогда сказал.

А кто хочет окунуться в негатив? Но нельзя ведь жить вот так, не обращая внимания на существующее рядом с тобой

зло! Как там сказала лже-Нина: «Понимаешь, в жизни очень много зла». Конечно, после того, что с ней произошло, она все воспринимает иначе, более болезненно и обостренно. И психика у нее явно расстроена. Возможно, она на самом деле убила свою мачеху.

Мачеха! Как же он не спросил у Рубина про мачеху?!

Герман написал:

«Лева, пожалуйста, спроси у нашего общего знакомого, кто такая Маргарита Вощинина, она должна быть зарегистрирована на Цветном бульваре».

«У тебя сразу две женщины живут?» – мгновенно возникла ответная строчка.

«Нет. Ее сожителя зовут Роман. Эту Маргариту вроде бы отравили ядом».

«???»

«И еще: Вадим Борисов и Андрей Вербов».

«Кто эти люди? Почему они тебя интересуют?»

«Лева, пока не могу сказать. Наведи о них справки».

«Но бывают же однофамильцы».

«Что-то подсказывает мне, что они проходят по одному делу. Если, конечно, проходят».

Герман подумал, что трупы могли еще не найти.

«Да, Вадим Борисов мог быть мужем Нины Вощининой», – добавил он.

«Господи, Гера, чем ты занимаешься?! У тебя на носу такая интересная работа, а ты по уши вязнешь в дерьме! Сроч-

но надо раскапывать дорогу к твоему дому, пока тебя там не укокошили! Вот черт!»

«Пока. Я не могу больше писать».

Он солгал Рубину, чтобы не читать гневных строк Левы о том, какой он дурак. Он и сам все о себе знает!

Он слышал, как Нина в кухне моет посуду. Потом она притихла, и Герман даже представил себе, как она сидит одна, за столом, у окна, смотрит в темноту и думает о чем-то своем – о том, чего ему, человеку постороннему, не понять. Во всяком случае, сейчас.

Возможно, он бы и проникся к ней сочувствием, если принять во внимание обстоятельства, заставившие ее выстрелить в своего мужа и его друга, но, когда он узнал, что девушка выдает себя за погибшую женщину, чувства его к ней охладели. Да что там – он стал бояться ее!

Однако на кухне был так тихо, что он подумал: может быть, с его гостьей (хотя какая она гостья?!) что-то случилось? Словом, ему захотелось заглянуть в кухню. Он встал, открыл дверь и увидел картинку, представившуюся ему – она сидела спиной к нему, за столом, облокотившись о спинку стула, и смотрела в окно. Если учесть, что стекло было по всему периметру залеплено снегом и по центру окна поблескивало пятнышко ночной стеклянистой фиолетовости, то получалось, что девушка сидит и смотрит просто в одну точку...

– У тебя все в порядке? – спросил он и закашлялся, за что

ему стало страшно стыдно.

– Да, да, не волнуйся. У меня все в полном порядке, не считая нескольких трупов... и одного предательства, которое и предательством-то и не назовешь. Так, ошибка.

– Мне постоянно кажется, что с тобой в любую минуту может что-то случиться. Ну, например, сердечный приступ.

– Нет-нет, не переживай. Просто я думаю, как буду жить дальше.

– Если я оставлю дверь приоткрытой, так, чтобы видеть тебя, а сам буду играть на рояле, я не помешаю тебе?

Ну не дурак ли он? В собственном доме задавать такие вопросы?! Это как же нужно себя не уважать!

– Да. Конечно. К тому же это твой дом. – Последние слова она произнесла с каким-то особым чувством.

Герман, оставив дверь приотворенной, сел за рояль. Теперь он видел эту картинку словно в раме – девушку, сидевшую в задумчивости перед слепым заснеженным окном. О чем она думает?

Он принялся наигрывать самые разные мелодии. Смешивал их, сочинял на ходу вариации на заданные им самим темы, варьируя и изменяя мотивы, пересыпая их сложными аккордами и внезапно переходя из минорной гаммы в мажорную и наоборот. Но минорных тем было все равно больше, и они рождались из образа очень странной, быть может, запутавшейся в своей собственной жизни девушки, которую случайно приютил у себя немолодой уже, но и не старый еще

композитор. И никаких ассоциаций с бунинской повестью, конечно, в это время в его голове и душе не возникло. Он был всецело поглощен своими мыслями и чувствами о Нине. О лже-Нине. Она представлялась Герману героиней сложного психологического романа (или фильма), может быть, даже триллера. Что он знает о ней, кроме того, что она сама о себе рассказала? Да ничего! Хотя фантазии ему было не занимать, и он мог свободно распоряжаться вымышленным прошлым своей гостьи. Странное дело, думал он, когда она молчит, не озвучивает свои страшные мысли о необходимости наказывать зло таким же злом, то кажется ему чуть ли не романтической героиней. Может, попросить ее подольше молчать, до тех пор, пока не расчищают снег и у него не появится возможность уехать в Москву?

Но нет, она не станет молчать. Она же специально выбрала в качестве жилетки, куда можно поплакаться, именно его – мягкого, уступчивого человека с тонкой душевной организацией, такого, который никогда не выставит человека за дверь и не выдаст его милиции. Хотя она в нем сильно ошиблась! И первый шаг предательства по отношению к ней он уже совершил, сообщив Леве кое-какие подробности о своей гостье. Кто знает, вероятно, в одно прекрасное утро они проснутся от шума тракторов, расчищающих дорогу. Появятся люди в форме и уведут под белые ручки девушку с кротким именем Нина. Чужим именем.

Так, раздумывая и продолжая что-то наигрывать, он уви-

дел, как спина Нины вдруг напряглась, она выпрямилась, потом сначала повернулась, встретила взглядом с ним, затем поднялась, сделала несколько шагов по направлению к нему и остановилась в дверном проеме, подняв руки и сцепив их на затылке:

– А что это ты только что играл? Мелодия была такая... очень красивая и невыразимо грустная. Откуда она? Из какого кинофильма? Не скажу, что я это где-то слышала, но мелодия удивительная.

Она смотрела на него, лицо ее было заплакано, уголки губ опущены, волосы растрепаны. Она была так несчастна в эту минуту, что Герман даже пожалел о том, что написал о ней Рубину. Шутка ли – убить трех человек?!

– Так бы и слушала... – прошептала она. – Ведь это твоя музыка?

– Вот эта? – Он повторил то, что его пальцы, казалось, сами наигрывали.

– Ну да! Очень красивая мелодия. Представляю, как она будет звучать с оркестром. И если главную тему отдать флейте... Я вообще очень люблю флейту.

Герман, абстрагировавшись на несколько минут, быстро, по профессиональной привычке, записал мелодию на листах нотной бумаги. У него чуть не вырвалось: вот спасибо тебе за очередной шедевр!

– Ты читала «Митину любовь» Бунина?

– Да. Очень красивая и вместе с тем трагическая повесть.

Бунин, я думаю, очень любил женщин, раз так описывал их.

– Мне поручили написать музыку к фильму, к экранизации этой повести Бунина – «Митина любовь».

– Здорово! Можно себе представить, какая это будет красивая музыка. Я, конечно, не музыкант, но, думаю, основных мелодий должно быть три – тема любви Мити к Кате, темы Кати и Мити и, конечно... да, это уже четвертая, но, скорее всего, видоизмененная, с трагической краской, – тема любви, переходящей в смерть.

– Да, я тоже так думаю, но у меня пока нет возможности перечитать Бунина. Вернее, нет настроения. Разве ты не понимаешь, чем забита моя голова?

– Боишься меня? – Глаза ее сверкнули холодным блеском, и Герману вновь стало не по себе. – Да пойми ты – кто-то же должен бороться со злом!

– Что ты заладила: зло, зло! А то, что ты прибилась ко мне, вошла в мою жизнь и мешаешь мне, угрожаешь привлечь меня чуть ли не в соучастники... Это разве не зло? Такое тебе в голову не приходило?!

– Я могла сказать все, что угодно, лишь бы ты не отказался приютить меня у себя. Но реального-то зла я же тебе не сделала. Я даже помогаю тебе! Вот – готовлю, завтра утром примусь за уборку. Говорю же, буду сидеть тихо, как мышка.

– Да и так вокруг тишина такая, что уши закладывает.

– А я бы так не сказала. В доме постоянно звучит музыка, и она мне очень нравится. Ты очень, очень хороший компо-

зитор! И с Буниным у тебя тоже все получится. Знаешь, я бы и сама перечитала Бунина.

– Какие проблемы? Скачай из Интернета и читай себе на здоровье!

– Хорошо, я так и сделаю. Хоть отвлекусь от своих мыслей. Конечно, ты можешь меня осуждать, но ты никогда не жил в одном доме с человеком, точнее, не с человеком, а с законченным наркоманом. Так вот, Герман, поверь, наркоман – это не человек. Это – монстр! Чисто внешне он все еще кажется тебе братом, ведь его лицо не сразу меняется. Но по его поступкам ты вдруг начинаешь понимать, что это какой-то оборотень, дьявол, что он и есть настоящее зло! И он за деньги готов убить тебя, отравить, зарезать, пристрелить, повесить... Собственно говоря, так оно и было! Узнав, что у меня появились деньги от продажи дачи, он пришел домой уже не один. Нет, ты только послушай! Ему было мало того, что, пока я была на работе, он вытащил из дома все, что только можно было вынести, вплоть до моего белья! Он загнал мои французские лифчики нашей соседке! Так вот. Он пришел со своим другом, и в руках у него был пистолет. Он направил его прямо мне в сердце и говорит: «Отдай деньги, иначе пристрелю!»

Герман почувствовал, как холодеют его руки на клавишах...

Ночью он не спал. Знал, чувствовал, что за стеной, в его спальне, Нина тоже не спит. Теперь, когда она призналась ему в том, что убила и собственного брата, симитировав передозировку, а попросту – вкатив ему лошадиную дозу героина, в результате чего он умер, Герман уже не сомневался в том, что она сумасшедшая. Поэтому решил вести себя с ней так, словно он верит каждому ее слову.

Рубин около полуночи прислал ответ на его вопросы, связанные с личностями так называемого мужа «Нины» и его друга – Вадима Борисова и Андрея Вербова.

«Старик, может, ты еще не спишь? Короче: Вадим Борисов, предприниматель, 1983 г.р., был женат на Нине Яковлевне Вошининой, 1985 г.р., выбросившейся из окна в прошлом году. Его друг, тоже предприниматель, Андрей Вербов, 1980 г. р. Словом, Гера, в июле прошлого года их обоих нашли застреленными на даче Вербова, в Подмосковье, в местечке под названием Солнечная Поляна. Гера, ты где? Ты жив ли, мой друг? Твою мать!»

Рубин был в Сети, поэтому Герман с разрывом в сорок минут ответил ему, барабанив по клавишам дрожащими пальцами.

«Лева, это черт знает что такое! Убийцу нашли?»

«Гера, ты жив! Слава богу! Убийца не найден, но пред-

полагается, что этих двоих пристрелил возлюбленный Нины Вошининой – и сразу же после того, как она покончила с собой, скрылся, его до сих пор ищут. У следствия есть версия, что этой Вошининой ее муж и его приятель устроили групповуху, после чего она и покончила с собой, выбросившись из окна высотного дома».

«А что про Маргариту Вошинину?»

«Ничего. Но была некая другая – Маргарита Сомова, с Цветного бульвара. И у нее действительно был сожитель, Роман Ковальчук. Труп этой женщины нашли в ноябре прошлого года в квартире, где она жила со своим сожителем. Ее отравили. Роман Ковальчук до сих пор находится под следствием».

«?!»

«Там темное дело. За месяц до этого убийства таким же образом была отравлена в кондитерской падчерица Маргариты Сомовой – Елена Сомова. У следствия сложилось мнение, что и падчерицу, и мачеху убил нигде не работавший Роман Ковальчук, чтобы завладеть квартирами на Цветном бульваре и Трубной улице. Но я это так, схематично излагаю. Послушай, Гера, я бы тебе позвонил, но понимаю, что ты не можешь разговаривать, чтобы не привлекать внимание. Что с тобой происходит? Кто эти люди?! И какое они имеют отношение к той женщине, которая у тебя сейчас находится?»

«Хотел бы и я это знать».

«Наверное, глупо спрашивать, читаешь ли ты Бунина?»

«Начал».

«Ну и снегопад! И надо же было такому случиться!»

«Лева, я устал, хочу спать».

«Я буду молиться за тебя. И еще – читай Бунина!»

Он отключил Интернет. Подумал – неплохо бы, если Нина все-таки заснет, выкрасть у нее пистолет.

И вдруг он вспомнил о пузырьке с ядом! А если она и его отравит?! Какой же он идиот, что согласился приютить у себя эту преступницу! Или сумасшедшую? Он теперь уже и не знал. Рубин, всемогущий Рубин со своими связями, сумел собрать информацию по тем делам, к которым его незваная гостья могла быть причастна. Или же она все это нафантазировала? Мало ли какие психические отклонения у нее могут быть? Возомнила себя погибшей Ниной Воцининой, примеряла на себя ее трагическую судьбу... Не зря же она все пыталась донести до него ту крайнюю степень унижения, которую могла бы испытать она в том случае, если бы ее изнасиловал муж и его приятель! *«...если бы я, повторяю, оказалась женщиной с более тонкой и ранимой душой, не вынесла бы изнасилования и выбросилась из окна...»* Это могло означать только одно – Нина, вернее, лже-Нина была знакома – или откуда-то узнала историю настоящий Нины Воцининой! Возможно, она знала эту историю не понаслышке. Быть может, она вообще работала следователем по этому делу или была (и является до сих пор) женой следователя? Или жила где-то по соседству. Словом, каким-то образом у нее даже

оказался паспорт этой несчастной женщины. И ладно бы одна история! Так еще и новое убийство – «Маргариты с Цветного бульвара»! Мачехи. Вот только фамилия этой Маргариты не Вошинина, а Сомова.

Очень странная история!

Герман был совершенно сбит с толку. Он, прислушиваясь к тишине, все же заставил себя подойти к двери, ведущей в спальню. Стучать не стал. Он лишь медленно и очень осторожно повернул ручку и, когда она опустилась до предела, надавил на дверь, и она поддалась. Образовалась небольшая щель, в которую он увидел кровать и лежавшую к нему спиной, свернувшуюся калачиком под одеялом девушку. Понять, спит она или нет, было невозможно. Сумка стояла в нескольких шагах от него, и ему надо было бы лишь совершить несколько проворных движений, чтобы схватить ее и втащить в гостиную. Даже если Нина не спит и все слышит, он все равно успеет опередить ее и забрать сумку. И скажет ей, что у него не было другого выхода, он возьмет лишь пистолет и яд, а деньги вернет. Но так, во всяком случае, он будет спать спокойнее.

Но она не проснулась. Он схватил сумку, унес ее в ванную комнату, заперся там и, присев на корточки, принялся изучать ее содержимое.

Деньги... Много. И, хоть он и не эксперт, но они очень похожи на настоящие. Есть и новенькие пачки, есть и с потрепанными купюрами, потемневшими. И банковские пачки, и

просто деньги, перетянутые цветными тонкими резинками.

Сбоку, в отдельном кармане сумки, лежал пистолет. Герман, обернув руку полотенцем, достал его и плотно завернул в это же полотенце. Тяжелый белый ком с пистолетом он сунил в корзину с бельем. Нашел он и пузырек с предполагаемым ядом. Так же, обернув руку уже другим полотенцем, спрятал пузырек за унитаз. Оказалось не таким уж легким делом придумать, куда понадежнее засунуть эти орудия преступления.

Сумку с деньгами он вернул на место. Задержался на мгновение – Нина ровно дышала, вероятно, она в самом деле спала.

Ну вот, теперь он хотя бы не станет бояться за свою жизнь. Но все равно находиться под одной крышей с явно неадекватным человеком опасно.

Герман постелил белье, выключил свет, улегся и задумался: что его ждет дальше? Может, все-таки не рисковать, попросить Рубина организовать расчистку дороги? Или же ему самому следует связаться с администрацией поселка Киселево и попросить за вознаграждение расчистить снег на лесной дороге? И когда все это устроится, он попросту сбежит отсюда? Но тогда надо заранее подготовиться, раскопать снег перед воротами гаража и саму дорожку к воротам. Уж это-то, кроме него, никто не сделает. И что дальше? Он сбежит, а как же его куры? Они замерзнут, умрут от холода и голода.

А если поговорить с этой «Ниной» по душам и выяснить,

что ей от него нужно? Можно же ей предложить просто пожить одной в его доме, пообещав никому о ней ничего не рассказывать! Ведь главное для нее – спрятаться от тех, кто разыскивает убийц. Но ведь убийства Вадима Борисова и Андрея Вербова произошли в прошлом году! Так почему же она ищет укрытия именно сейчас? И кто знает, так ли уж она виновна в этих убийствах? Может, и пистолет вовсе не ее? Может, она просто излишне впечатлительная особа?

У Германа голова шла кругом. Одно его радовало – он успел записать ноты целых трех музыкальных тем для будущего фильма. И удивительно, что они рождались в таких тяжелых, нервных условиях, вместо того чтобы возникнуть в его сердце чуть раньше, когда он жил один и его не волновало вообще ничего, кроме собственного творчества. Сейчас же, когда его жизни угрожала реальная опасность, вместо того чтобы начать активно действовать – настаивать на том, чтобы Рубин организовал расчистку лесной дороги и окончательно вызволил бы его из снежного плена, а заодно и избавил от этой странной особы, – Герман позволял ей спать в его постели, выслушивал ее очередные дикие признания и сходил с ума от страха за свою жизнь.

Он то жалел себя за свою мягкотелость и трусливость, то презирал. Он осознавал – женщин он как не понимал, так и не сможет понять никогда. Они наверняка представители какой-то другой цивилизации, другого разума, и все в них принципиально отличается от внутреннего устройства муж-

чин.

У него не складывались отношения с женой. С самого начала их супружеской жизни. Если прежде она восхищалась его абсолютно всеми своими качествами и он просто жизни не мог себе представить без нее, да просто в ее присутствии превращался в дурака, то потом все это куда-то подевалось.

Вероника была очень красива, женственна, может быть, в чем-то глупа, но ему так нравилось иметь ее как бы в своей собственности, видеть ее каждый день, обнимать, любоваться ее телом, гладить по волосам. Удовольствий от жизни с ней было миллион! Он сам себе напоминал тогда человека, выгодно приобретшего некую дорогую и очень красивую вещь, которая нравилась ему все больше и больше. Если до брака он видел ее лишь одетой – они гуляли, ходили в гости, в рестораны, на танцы, целовались в парке на скамейке или обнимались, сидя на последнем ряду кинотеатра, – то теперь у него появилась возможность видеть ее в нейлоне и кружевах, с распущенными волосами, чувствовать ее нежное тело, вдыхать запах ее теплых волос. Она готовила ему еду, стелила постель, гладила его рубашки. Они вместе куда-то ездили, путешествовали. Он пришел в себя, лишь поняв, что запустил свою работу и из жизни исчезли та тишина и покой, при наличии которых он только и мог рождать музыку. У него появилось много новых удовольствий, наслаждений и радостей, но исчезла музыка. Его музыка! Он словно бы предал ее. Он садился за рояль, но не мог сосредоточить-

ся. Присутствие Вероники начало его нервировать. Шелест ее шелкового халата, когда она проходила мимо него с чашкой кофе, чтобы расположиться на диване перед телевизором, сводил его с ума. Ее возня во время уборки квартиры, звуки и запахи, доносившиеся из кухни, которые вроде бы должны были благоприятно действовать на него, поскольку здесь теперь поселилась женщина, обязанная поддерживать чистоту в доме и готовить еду, раздражали его невыносимо. Он вдруг понял, что потерял свободу и самостоятельность. Теперь, прежде чем куда-то отправиться (да хоть к Рубину на коньячок или на преферанс в теплую компанию близких друзей), он должен чуть ли не отпрашиваться! И это при том, что ему-то было (положа руку на сердце) глубоко безразлично, как проводит свой день Вероника. Быть может, потому, что он доверял ей и верил – она любит его, а может, и в самом деле в ее отсутствие он просто отдыхал или пытался представить себе: ничего не было, этот брак с нею ему просто приснился. Вот если можно было бы совместить обе эти жизни – ту, которой он жил прежде, занимаясь музыкой и общаясь с теми людьми, кого он любил и с кем ему было интересно, и ту, в которой он жил бы с неназойливой Вероникой, удовлетворявшей все его скромные желания, – вот тогда он, вероятно, был бы вполне счастлив. Но жизнь-то одна, и отравлена она оказалась именно любовью и постоянным контролем со стороны его жены. Он растолстел, стал много спать, а вечера и вовсе проводил под мягким боком у жены, под негромкий

звук телевизора. Жизнь его как бы приостановилась, и что ему следовало бы сделать для обретения прежней жизненной бодрости и энергии, своей творческой потенции, он не знал. Вернее, знал, но боялся сказать об этом Веронике.

А потом вдруг случилось то, чего он никак не ожидал. Их общий знакомый, очень скромный человек, талантливый композитор и скрипач, Миша Гурин, отчаянно влюбился в Веронику. И практически на глазах у их общих знакомых, на вечеринках и банкетах, повсюду, где собиралась их компания, он чуть ли не открыто стал приударять за ней. Постоянно крутился возле нее, за столом усаживался рядом с ней, ухаживал. Подливал ей вино, «обслуживал» ее тарелку, чистил яблоки, дарил ей тайком какие-то мелкие подарки, старался поймать ее руку, когда появлялась такая возможность, танцевал с нею. Германа это забавляло, но не более того. Он ждал – вот-вот появится ревность, но так и не дождался. Больше того, он все чаще и чаще представлял себе, что это не он, а Миша – муж Вероники, а он сам, Герман, посматривает в ее сторону, как бы оценивая и решая для себя: а не отбить ли у друга жену? Но и из этой игры ничего путного не вышло. Не ревновал он ее ни к Мише, ни к кому-либо другому. И это несмотря на то, что Вероника считалась женщиной на редкость красивой и умной.

Однажды она не выдержала и упрекнула его:

– Герман, ну неужели ты нисколько меня не ревнуешь?

Была ночь. Они лежали под одним одеялом, прижавшись

друг к другу, и Герман, уныло припоминая прошедший день, в очередной раз констатировал, что время прошло бездарно. Они ходили с женой по магазинам, покупали ей какие-то сапоги и кофточки, потом зашли в гости к их общей знакомой, собиравшейся рожать в одиночку, не имея мужа (Вероника, непонятно чего стыдясь и сильно краснея, сунула подруге конверт с деньгами). Потом они поужинали в ресторане, затем пили чай у ее родителей, и вот – вернулись домой. Он принял душ, лег и собирался уже сделать вид, что спит, как Вероника, войдя в спальню, еще чуть влажная после душа, благоухавшая новой туалетной водой, включила лампу, растолкала его, обняла, словно обвила, своими ногами-щупальцами, и задала ему этот явно мучивший ее вопрос.

– А ты хотела бы, чтобы я тебя ревновал? – Он изо всех сил старался быть вежливым и нейтральным. Он очень боялся ее обидеть.

– Ты же видел вчера, у Барышевых, как он танцевал со мной, как прижимал к себе! Это все заметили. Он совсем потерял голову, этот Гурин!

– Но он же любит тебя, это очевидно.

– И тебе не хочется набить ему морду?

– Вероника!

– Что – Вероника? Ты ведешь себя неестественно! Мужья не должны себя так вести, когда у них из-под носа уводят жену.

– А он уводит тебя?

– Да он спит и видит, чтобы я стала ЕГО женой! Он постоянно твердит мне, что не может без меня жить и готов даже поговорить с тобой, чтобы ты отпустил меня... И все в таком духе. Говорю же, он сошел с ума!

– А ты... что ему сказала? – Герман повернулся и заглянул ей в глаза. Они блестели каким-то новым блеском. И щеки ее пылали, видно было, что этот разговор дается ей нелегко. Да, она на самом деле была очень хороша. И он вдруг обнял ее с таким чувством, словно обнимает чужую жену. И это чувство было намного сильнее того, какое он испытал бы, точно зная, что это – его жена. Словом, он и сам запутался в своих чувствах. Но, представив себе, что в любую минуту в спальню может войти ее «настоящий» муж, Миша Гурин, он невероятно возбудился.

– Гера. Я же вижу, как раздражаю тебя! Ты перестал писать музыку, у тебя, даже если ты сидишь дома целый день, нет времени для меня. Ты остыл ко мне.

– Вероника, дорогая, но я такой, какой я есть!

И вдруг она разрыдалась. Отвернувшись от него и сделала вид, что не заметила его возбуждения. Она хотела любви, которой не находила в нем. И что было делать?

Он прижался к ней, обнял со спины и сказал ей в самое ухо:

– Если ты выйдешь замуж за Гурина, я пойму тебя.

Она резко повернула к нему свое мокрое от слез лицо, и он вдруг понял: все те полгода, что они прожили вместе, он

заставлял ее страдать. И вместо того чтобы любить ее или хотя бы чувствовать к ней благодарность за ее любовь, ласку и заботу, он постоянно вынашивал в себе планы как бы избавиться от нее. И всячески оправдывал это свое желание.

Ему захотелось обнять ее и попросить прощения, но даже на это у него не хватило мужества.

– Не плачь, – сказал он и провел пальцами по ее мокрой от слез щеке. – Успокойся, и давай спать. Утро вечера мудренее.

– Не думаю, что я усну! Мне нужно подумать, как я буду жить дальше, – тихим голосом, всхлипывая, проговорила она, и Герману стало ее так жаль, так жаль, что он пожалел сто раз о том, что вообще поддержал ее разговор и дал ей понять: он не будет против, если она бросит его и выйдет замуж за Гурина.

На следующий день она тихо собрала вещи и ушла.

Это потом, когда она уже жила у Гурина и ходила, счастливая, сначала со своей первой беременностью, а потом и со второй, он решил, что поступил правильно и даже благородно, отпустив ее. Но в самые первые дни после ее ухода он мучился невыносимо – чувством стыда перед женой. Даже вернувшееся к нему ощущение свободы не радовало Германа. А Рубин и вовсе обозвал его свиньей.

Тишина в квартире, буквально обложившая его со всех сторон после ухода Вероники, тоже, как ни странно, нервировала его. И хотя он знал, что жены дома нет, она сей-

час привыкает к другому мужчине, все равно подсознательно он ждал этих домашних, семейных звуков: шума стиральной машины, шипения котлет на сковородке, звяканья посуды, хрипловатого голоса Вероники, когда она напевала какой-нибудь шлягер.

Больше с тех пор никто в его квартире не жил. Время от времени он привозил к себе женщин, но потом так же и увозил или давал им деньги на такси. Он не хотел, чтобы в его постели ночевали чужие женщины! Родной была Вероника, но он «подарил» ее Гурину. Все, на этом его попытки создать новую семью и обзавестись новым родным человеком закончились.

Он вел спокойную, размеренную жизнь творческого холостяка. Поздно вставал, подолгу приводил себя в порядок, варил себе овсянку по утрам, слушал музыку, играл на рояле, записывая все, что из-под его пальцев случайно выходило (в надежде, что это – фрагмент будущего шедевра), готовил обед, смотрел телевизор, общался в Сети с теми, с кем хотел, рано ложился спать.

И вдруг – эта «Нина»! Ну почему, почему она выбрала именно его?! Нет, он никогда не успокоится.

9

Он проснулся от крика. Женский пронзительный крик резко взломал ночную тишину, заставил Германа подскочить

на постели и ринуться туда, откуда он доносился.

В полной темноте нашарив выключатель, он надавил на него, и спальня осветилась нестерпимым желтым светом, в котором он увидел сидевшую на кровати, перепуганную насмерть Нину.

Она была бледна, а губы ее словно потемнели, будто она до этого пила из остывающей мягкой шеи своей жертвы темную венозную кровь, да вот – ее застали врасплох.

– Что случилось?!

– Герман... Мне страшно! Они стояли вот тут, совсем рядом! Они тянули ко мне руки и просили, чтобы я вернула им жизнь!

– Нина, прошу тебя, успокойся! Хочешь, я принесу тебе успокоительных капель или даже таблетки?

– Таблетки? – Ее губы дрогнули в неожиданной усмешке. – Неужели такой благополучный композитор, как ты, тоже принимает таблетки?

– Это не мои таблетки, – раздраженно проговорил он, – и какое это вообще имеет значение?! Здесь до меня жил человек, после него много разных вещей осталось в этом доме.

– А... Понятно. Нет, я думаю, что обойдусь без таблеток. Просто мне сон приснился, говорю же, страшный! С кем не бывает. – Улыбка ее была вымученной, усталой. – Извини, что потревожила тебя...

– Если хочешь, я могу лечь рядом. Ничего такого не думай, просто, когда человеку плохо, ему же надо помочь. На-

деюсь, ты не собираешься меня пристрелить?

– Глупая шутка, ты не находишь?

– Нахожу, – признался он. – Ну так что,пустишь меня к себе или, наоборот, пойдем ко мне на диван, включим телевизор, я поставлю какой-нибудь хороший, светлый фильм? «Стиляг», например. Там так много музыки, он очень яркий.

– Нет, он как-то грустно заканчивается.

– Тогда сама предлагай, у меня большой выбор.

– Я люблю картину «Леон», просто с ума по этому фильму схожу, и каждый раз рыдаю, когда Леона убивают, ничего не могу с собой поделать. Такая уж я дура!

– Так ты определилась, кто к кому пойдет ночь коротать?

– Может, лучше чаю выпьем? – Она вздохнула, умыла сухими ладонями лицо, словно счищая с себя сонную зловещую одурь, и резво встала с постели. На ней была длинная, широкая, полосатая, белая с синим, пижама Германа. Растрепанные волосы, испуганные глаза, опущенные уголки темных губ.

– Отличная идея! – откликнулся он.

В кухне Герман включил чайник. Нина скрылась в кладовке и вскоре вышла оттуда с баночкой варенья.

– А это еще откуда? – удивился он.

– Из твоей кладовки. Ты не знаешь, что у тебя там есть?

– Думал – знаю. И какое варенье?

– Вишневое.

– С косточками?

– Обижаешь, без косточек!

– Тогда найди какую-нибудь вазочку.

– А ты хозяйственный! И вазочки для варенья у тебя есть, и чашки красивые, в розочках. Какой ты... уютный, домашний, – она неожиданно подошла к нему и поцеловала в щеку. – Нет, правда, ты просто замечательный, и я тебя очень люблю!

– В смысле?! – напрягся Герман. – Когда это ты успела меня полюбить?

– Я всегда тебя любила! У меня дома много твоей музыки.

– Ах да, ты говорила... Что еще есть к чаю?

– Вот выпьемся, и я утром испеку тебе очень вкусное печенье. Или вишневый пирог. У меня есть засахаренная вишня! А что еще делать, когда вокруг – только сплошной снег? Тихо-мирно жить, как мышки, есть и спать. Да, еще можно смотреть фильмы. У тебя есть «Тариф на лунный свет»?

– Есть.

Она стала перечислять названия фильмов, самых разных, от слезливых мелодрам до экранизаций классики, и всякий раз оказывалось, что у Германа все это есть.

– Я же говорю, ты – замечательный! С тобой и во время снегопада не страшно. Какой чай заварить – черный или зеленый?

– Какой хочешь.

Она заварила зеленый, разлила по чашкам.

– Понимаешь, эту философию я вывела сама и до встречи

с тобой считала, что я все делаю правильно. Но ты так осуждаешь меня за то, что я сделала – наказала людей, которые вообще не имеют права на жизнь, – что я начинаю уже сомневаться, а правильно ли я поступила?

– Нина, пожалуйста, оставим этот разговор. Сейчас ночь, понимаешь? А ночью все окрашивается в более мрачные, трагические краски, нежели на самом деле. Если тебе так тяжело и просто необходимо поговорить со мной на эту тему, давай отложим эту беседу на утро, а? И еще... Ты уверена, что все... все это сделала ты и что это на самом деле произошло с тобой?

– Но ребенок-то – мой!

– Какой еще ребенок?! – Брови Германа взлетели вверх.

– Его звали Антон. Он был еще малышом, когда все это произошло.

– Господи, боже мой, да что же еще такого произошло?

– Мой сын...

– Так! Значит, у тебя и сын есть? – Он понятия не имел, как реагировать на эту новость.

– А что в этом особенного? Мне же не пятнадцать лет. Но теперь-то у меня его нет!

– И где же он?

– Он умер. В больнице. Но он мог бы жить, и сейчас ему было бы уже два года.

– Ты хочешь поведать мне очередную душещипательную историю?

– Да! Хочу. Кому еще я могу рассказать о чудовище, которое так гнусно поступило со мной?!

– Это ты о ком?

И она, эмоционально жестикулируя и перемежая свою речь рыданиями, рассказала следующее: до того как устроиться психологом в школу, она работала в одной фирме менеджера, а хозяин задолжал ей за полгода приличную сумму и сказал, что отдаст зарплату только в том случае, если она переспит с ним. Она рыдала и умоляла выплатить ей эти деньги, потому что у нее ребенок болеет и срочно нужны деньги на операцию.

– Нина, может, хватит рассказывать мне все эти страшилки на ночь?!

– Но я это не придумала! Это же было на самом деле!

– Разве такое бывает, что с человеком случается сразу столько драматических ситуаций?! К тебе словно магнитом притягивались все эти трагедии!

– Косвенно, – проговорила она рассеянно, и Герман подумал: лучше уж ему все выслушать до конца и не провоцировать ее на новый приступ неадекватности, во время которого она, чего доброго, набросится на него с ножом.

– Да, конечно, косвенно, ты-то, слава богу, жива. Ладно, что было дальше? Этот владелец фирмы изнасиловал все-таки тебя?

– А почему – все-таки? Словно меня каждый день пытается кто-нибудь изнасиловать! – Она поджала губы. Обиде-

лась.

– Так ты расскажешь мне, что случилось с Антоном...

– Антон Климов его звали, – уточнила она.

– Так твоя фамилия не Вощинина, а Климова?

– Он – Климов, у него была фамилия его отца! – выпалила она, сощурившись. Она начинала злиться, а этого нельзя было допустить ни в коем случае.

– Ладно, извини. У меня у самого нервы сдают, похоже. Ну, так что произошло-то?

– Мне пришлось его ударить. Я пригрозила, что подам на него в суд, особенно если что-то случится с Антоном. Он расхохотался мне в лицо, сказал, что от меня не убудет, если я разденусь прямо в его кабинете и отдамся ему на диване. Что не я первая, не я и последняя и что у женщин... Словом, все бабы так уж устроены природой, что могут не платить деньги, а расплачиваться... собой! И женщинам очень легко жить, гораздо легче, чем мужчинам – те, мол, не могут отдаваться женщинам, потому что их природа устроила иначе. Можешь себе представить, как я ненавидела его в тот момент! Словом, я убежала из кабинета, принялась называть знакомым...

– Постой! А как же твой муж Вадим?!

– Я тогда еще не была его женой, мы просто были знакомы. Но его в тот момент не было в Москве. Я и до этого обзванивала всех своих приятелей, умоляла их одолжить мне денег на лечение ребенка, но, как назло, ни у кого тогда не

было лишних средств.

– Ребенок умер?

– Да, через два дня. Я чуть с ума не сошла!

Как же – «не сошла»? Еще как сошла! Точно: вот тогда-то она и повредила рассудком. И возненавидела весь мир.

– Чем страдал твой сын?

– У него был врожденный порок сердца, и операцию ему должны были делать в Центре сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева.

– И какая на это требовалась сумма?

– Да, в общем-то, не очень большая. Сто тысяч рублей.

– А на что же ты жила, если твой хозяин не платил тебе зарплату целых три месяца?! – Герман хотел ее запутать, на случай, если она все это сочиняет прямо на ходу. Он хотел ее сбить, сделать так, чтобы она попала в логический тупик, проговорила наконец и призналась, что эта история не имеет к ее реальной жизни никакого отношения.

– У меня были кое-какие сбережения. Но к тому времени, когда потребовалась операция, они уже закончились.

– Сколько лет было твоему Антону?

Она оглянулась, словно искала кого-то, кто мог бы подсказать ей правильный ответ. Потом как-то неопределенно пожала плечами и сказала:

– Полгода.

– Что было потом?

– Потом? Я застрелила его.

– Кого?!

– После похорон Антона я убила своего босса.

– Фамилию его можешь назвать?

– Зачем тебе? Чтобы сдать меня?! Нет, я ее тебе не назову.

– Да ты ее просто не знаешь!

– Знаю! Но не скажу.

– Может, у тебя в запасе есть и еще какие-то другие истории?

– Это неважно!

– И что ты теперь собираешься делать? Прятаться у меня всю жизнь?

– Нет. Пережду какое-то время и уйду. Только, пожалуйста, не сообщай никому, что я здесь, а? Пройдет время, эти дела закроют, и я останусь на свободе.

– Послушай, Нина, скажи-ка, пожалуйста... Ты и в самом деле считаешь нормальным, что молодая девушка спокойно перебила такое количество народу?!

– А ты считаешь нормальным, что подлецы продолжают жить и приносить страдания обычным людям? Посуди сам: разве посадили бы Вадима с Андреем в тюрьму, изолировали бы их от общества?

– Не знаю. Но и это тоже не метод!

– А то, что мачеха воспользовалась мягким характером своей падчерицы и после смерти мужа присвоила себе обманным путем две квартиры?!

– Так она их все же присвоила?

– Присвоила! Жульническим путем! И собиралась меня отравить! И все эти люди должны спокойно жить? И пользоваться тем, что им не принадлежит? Или ты думаешь, что этого Моисеева надо было оставить в живых?!

Моисеев! Вот! Проговорилась. Вероятно, это и был хозяин фирмы, из-за которого, по ее утверждению, погиб ее сын.

Уф! Нет, так дальше продолжаться не может! Но и запретить эту «Нину» – или как там ее? – в чулан он тоже не может. Окажись она на свободе по окончании снегопада – не будет она молчать, заявит, что Герман ее похитил и держал взаперти! Но самое главное – если бы она освободилась из чулана, то сама убила бы его. У нее бы рука не дрогнула!

– Послушай, оставь меня в покое со своими убийствами и смертями! Я скоро с ума сойду. Ты – обыкновенная девушка и не можешь решать, кому жить, а кому умирать! К тому же я уверен, что и ты сама тоже не без греха.

Она медленно поставила чашку с давно остывшим чаем на стол и посмотрела на него так, как если бы пыталась понять, что ему известно о ее грехах.

– За свои грехи отвечу я сама! – неожиданно дерзко бросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.